

18+

МАЙЕР
ЖАСМИН

НЕВЕСТА МОЕГО СЫНА

СЕРИЯ "ЗАПРЕТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ"

Запретные отношения

Жасмин Майер

Невеста моего сына

«Автор»

2023

Майер Ж.

Невеста моего сына / Ж. Майер — «Автор», 2023 — (Запретные отношения)

Мне девятнадцать, ему тридцать восемь. Наша первая встреча прошла ужасно, вторая – еще хуже. Я надеялась, что больше никогда его не увижу, но оказалось, что следующие сорок дней обязана провести рядом с ним. А еще именно он хранит мои трусики в кармане своего дорогого костюма, но у меня никогда не хватит храбрости попросить их обратно. Ведь он – отец моего жениха.

Жасмин Майер

Невеста моего сына

Саша

Снег летит в лицо, а мороз пробирается под распахнутое пальто, которое я так и не застегнула. Выпрыгнув из такси, Адам решительно тащит меня к родительскому дому, а я только и могу думать о том, что это самое неподходящее время для такого знакомства.

На мне даже нет нижнего белья.

Сегодня я планировала танцевать до упаду в своих мегаудобных каблуках и ультратонком серебристом платье. А после полуночи в день рождения Адама сообщить ему шепотом, что на мне нет трусиков.

Но по дороге на вечеринку Адаму внезапно позвонил отец, и он, к моему шоку, попросил таксиста развернуться. И вот теперь я пытаюсь устоять на заснеженном тротуаре на восьмисантиметровых каблуках перед элитным жилым комплексом, думая о том, что собираюсь знакомиться с родителями парня, будучи при этом без трусиков.

– Может, в другой раз? – кричу я.

– Нельзя! Отец приехал! – перекрикивает в ответ метель Адам. – Черт его знает, сколько времени он пробудет в Москве на этот раз, а я хочу, чтобы он познакомился с тобой! И еще мне обязательно нужно поговорить с ним о делах.

Портье сразу узнает Адама и без проблем распахивает перед нами тяжелые дубовые двери, легко пропуская нас в фойе, больше похожее на холл отеля, чем жилого дома. Мы несемся к хромированным лифтам, и как только за нами закрываются двери, Адам прижимает меня к себе и целует, пробираясь ледяными пальцами под пальто.

– Замерзла?

Я киваю, пока Адам прижимает меня к себе и целует, глядя на нас в многочисленных отражениях. Он любит смотреть, поэтому у него зеркала даже на потолке в спальне. Но я очень надеюсь, что он не обнаружит свой подарок прямо сейчас.

– Хочу, чтобы отец увидел, какая ты у меня красивая, – шепчет Адам, пока его руки скользят по моему телу. – Знаешь, моему отцу постоянно не нравились девушки, с которыми я его знакомил. Говорил, что я выбираю только недалеких и легкодоступных. Хочу увидеть его лицо, когда он познакомится с тобой!

Адам смеется, а мне вот совсем не до смеха. С ужасом смотрю на свое отражение в начищенных до блеска зеркалах.

Короткое блестящее платье на тонких лямках чересчур вызывающе обнажает бедра. По ярко-красной помаде, чуть размазанной из-за поцелуев, никак не догадаешься, что последние полгода все свободное время я провожу в библиотеке университета. Волосы взъерошены метелью и выглядят так, будто я занималась сексом вплоть до выхода из дома. Не скажешь, что я убила два часа времени на укладку, надеясь добиться небрежных кудрей.

И в довершение всего на шее желтеет почти сошедший с кожи засос, который мне едва удалось замаскировать тоналкой.

Недалекая и легкодоступная – сейчас я именно такая.

– Может, не надо меня сейчас знакомить с твоим отцом? Может, завтра?

Или никогда? А там и жуткий отец снова уберется в Северную столицу, кажется, в основном он живет именно в Питере, а не Москве.

– Я сейчас не одета для такого знакомства, Адам.

Не хочется портить ему сюрприз, поэтому я не могу сказать прямо о деликатной ситуации. К тому же я ведь знаю Адама, он будет только рад при каждом удобном случае подразнить меня. Пусть остается в неведении. Пока.

– Ты в любой одежде прекрасна, Саш... Но мне очень нужно поговорить с ним именно сегодня. Не знаю, сколько времени он еще проведет на этом континенте, но, боже, Саша... Если бы я только мог закончить побыстрее с делами...

Его пальцы сжимают мои ягодицы через платье, и сейчас он как никогда близок к тому, чтобы самостоятельно добраться до своего подарка, но в этот момент лифт останавливается. Фух.

Из лифта Адам вывел меня за руку и подвел к единственной двери на этаже. Ждать долго не пришлось. Нам открыла брюнетка с ярко-красными пухлыми губами, и прежде всего она с недовольным видом уставилась на меня, но потом наконец-то заметила Адама.

– О, Адам! Какой сюрприз. Привет.

Похоже, отец Адама не счел нужным предупредить ее о том, что ждет сына в гости.

Для матери Адама она слишком молода, а еще слишком ревниво сканирует меня с головы до ног, пока Адам помогает с пальто. Ее дыхание сбито, а на щеках горит воинственный румянец.

Сначала мне почему-то кажется, что мы помешали старичкам зажечь этой ночью, прервали ее горячие поцелуи с отцом Адама, ведь он только вернулся в Москву. Может быть, он даже не всегда способен на такой подвиг и принял по такому случаю какую-нибудь специальную таблетку, которая значительно улучшает настроение мужчинам в его возрасте. Но поджатые губы и хмурый вид брюнетки исключают всякую романтику.

Похоже, она недовольна не тем, что мы помешали их романтическому вечеру после долгой разлуки. Мы просто пришли в разгар ссоры. Потрясающе.

– Это Саша, моя девушка. Давно хотел познакомить ее с отцом, да все не было случая. А это Алена, девушка моего отца.

В ответ Алена едва заметно кривится, как будто рядом пробежала мышь. Не нравится быть чьей-то девушкой в таком возрасте, понимаю. Ей ведь уже около сорока? Ужас.

Она была в красивом и очень дорогом красном платье, с такой же небрежной, как у меня, укладкой, которая, должно быть, отняла еще больше времени. Ее расфуфыренный внешний вид и дорожные украшения наводят на мысль, что они с отцом Адама тоже не собирались сегодня сидеть дома, но по какой-то причине задержались. Может быть, как раз из-за ссоры.

Следую за Адамом в просторный белый холл, обставленный мягкой белой мебелью, огромными зеркалами в золотой раме и неживыми золотыми цветами. Без верхней одежды чувствую себя неуютно и снова жалею о том, что остановила свой выбор именно на этом платье.

Тонкая ткань приятно скользит по телу, но без белья ощущаю себя почти что голой. Вот бы закутаться в какой-нибудь мягкий плед с головы до ног, но в безупречном дизайнерском интерьере все, на что я могу рассчитывать, – это только шкура белого медведя, растянутая на блестящем, как ледовый каток, полу.

Неужели настоящая?

– Отец его сам застрелил, – перехватывает мой взгляд Адам.

Это не прибавляет очков отцу Адама в глазах такой яркой защитницы дикой природы, как я. И Адам это понимает.

– На самом деле он очень много помогает животным, – пытается реабилитировать он отца в моих глазах.

Ну да, истребляя вымирающие виды.

– Приятно познакомиться, Саша.

Алена наконец-то эволюционировала от ревнивой амёбы до гостеприимной хозяйки и даже решила заговорить со мной. Впрочем, это все, чего я достойна, судя по тому виду, с каким видом она еще раз оглядывает мои голые ноги.

– Пойду расскажу твоему отцу. Он будет в восторге, что ты приехал, Адам.

Алена процокала на своих наверняка настоящих «лабутенах» куда-то вглубь ледяной пещеры, которая совсем не похожа на жилой дом. С каждой секундой все тяжелее надеяться на то, что люди, которые живут здесь, вообще способны оказать мне теплый и радушный прием.

– Хочешь шампанского? – улыбнулся Адам, словно читая мои мысли. – Садись, Саш. Не нервничай, это всего лишь мой отец.

Он указал на белые кожаные кресла, а сам отправился к стойке возле самого настоящего бара, заставленного десятком алкогольных бутылок.

Я снова поежилась в своем слишком тонком платье, и чертова лямка не упустила случая, опять сползла с плеча.

Адам разлил шампанское по бокалам и протянул один мне.

– За нас! – Он улыбнулся и осушил свой бокал залпом. – Какая же ты красивая, – пробормотал он, скользнув взглядом по моему абсолютно голому плечу. – Тебе так идет это платье.

Он наклонился, чтобы поцеловать меня. А еще Адам не стал терять времени, моментально накрыл ладонью грудь.

И тогда же раздалось надменное покашливание.

Мы моментально отпрыгнули друг от друга.

– Отец! – улыбнулся Адам как ни в чем не бывало.

В огромную гостиную с панорамными окнами следом за Аленой вошел мужчина. Его высокомерный сапфировый взгляд только на миг прошелся по сыну, но надолго остановился именно на мне.

Приехал он, похоже, не из Питера, раз его кожа приобрела такой теплый медовый оттенок. Слегка выющиеся волосы цвета мокрого песка были идеально уложены, волосок к волоску. На острых скулах темнела щетина.

На нем был безупречный темно-синий костюм с острыми манжетами дорожной рубашки и с запонками из белого золота, инкрустированными сапфирами. А безумно сексуальный, терпкий аромат мужского парфюма – бергамот с лимоном и тяжелый шлейф терпких дорогих сигар – моментально распространился по стерильной, как операционная, комнате.

Под силой этого властного сапфирового взгляда я медленно вернула лямку на плечо, проклиная тот час, когда я выбрала это платье.

А еще я почему-то сильнее стиснула бедра.

Холодный сапфировый взгляд скользнул по моей коже, как кубики арктического льда. И теперь мне вдвойне не нравится отсутствие на мне трусиков.

– Отец, хочу познакомить тебя со своей девушкой... Саша?

Перед смертью не надышишься. Заставляю себя подняться и сделать эти два шага. Вижу перед собой только начищенные до блеска темные мужские туфли – это знак, что пора останавливаться.

Веду взглядом вверх, по брюкам со стрелками и очень стараюсь не задерживаться на внушительном бугре в паху. Это явно не то достоинство, что стоит рассматривать, когда знакомишься с отцом своего парня.

Глаза скользят выше, по ровному ряду белых пуговиц, из которых лишь две самые верхние сейчас расстегнуты. На нем нет галстука или бабочки.

Понимаю, что так и стою, задержав дыхание. Легкие горят огнем, и я сдаюсь. Делаю полный вдох, и голова идет кругом, когда аромат бергамота с лимоном проникает в мое тело.

– Отец, это Александра, моя девушка. Саша, это Николай Евгеньевич Одинцов, мой отец.

Сам Адам редко упоминал про отца и за год, что мы встречаемся, кажется, лишь однажды виделся с ним без меня.

Так что я представляла его отца... Ну таким среднестатистическим мужчиной сорока лет, у которого есть брюшко, заботы, кредиты, бизнес и нет времени на взрослых детей.

Но оказалось, что Николай Одинцов плевать хотел на статистику.

Он совсем не похож на образ, который я слепила, исходя из окружавших меня в университете мужчин его возраста.

Перестаю гипнотизировать его загорелую шею и, минуя твердую линию губ, орлиный нос, тону в ледяном сапфировом море.

– Рада встрече, – произношу я едва слышно.

Волосы у Адама темные и прямые и совсем не вьются. Хотя глаза у Адама тоже синие, но при этом взгляд в сто раз мягче, и он совсем не пробирает до костей, чего не скажешь о сапфировых глазах его отца.

Его глаза – мой персональный ад. Делаю рваный вдох и снова чересчур сильно сжимаю кулаки. В ледяных глазах Одинцова-старшего нет ни одной подходящей случаю эмоции. Радости встречи с сыном, любопытства, удивления, усталости, наконец.

Сапфировые глаза скованы льдом, как промерзшая насквозь Антарктика, но он ведь должен хоть что-то чувствовать?

Я-то решила, что ему перепал секс раз в пятилетку. И что он даже готовится к постельным подвигам заранее, принимая волшебную таблетку, но теперь я прекрасно вижу, что ему это совсем не нужно.

И это знание почему-то заставляет мое тело вибрировать, а щеки – гореть маковым пламенем.

Одинцов

Глазам своим не верю.

Из-за того, что я постоянно мотаюсь по миру, мы с сыном и без того мало видимся, но почему каждый раз рядом с ним оказывается какая-то размалеванная полуодетая девица, готовая вот-вот раздвинуть ноги?

Впрочем, наверное, я слишком многого от него хочу. Адаму только девятнадцать. Был ли я таким же в его возрасте? Увы, нет. В его возрасте у меня уже были обязательства, которые вынуждали работать по двадцать часов в сутки.

Не пожелал бы такой жизни никому, когда ночью приходится работать, а днем – продолжать учебу, так что пусть малец развлекается, пока свободен.

Хотя тенденция мне не нравится. Адам начал знакомить меня со своими девушками лет так с шестнадцати. И ни одна не годилась на большее, чем на несколько ночей. Сегодняшняя – такая же. Хватает беглого осмотра, чтобы это понять. Слишком длинные ноги, слишком мало одежды, слишком яркие губы. Всего слишком.

Хотя стоит отдать моему сыну должное – у него хотя бы есть вкус.

Девица горячо отвечает на его поцелуи, пока Адам лапает ее грудь. Прямо посреди моей гостиной. Ничего не меняется.

Подозреваю, что у сына имеется и некая склонность к эксгибиционизму, но пока он не начал бегать голышом по паркам, и ладно. В четыре он то и дело срывал с себя одежду, в десять постоянно тербил пах, а с его шестнадцати я постоянно застаю голых девиц рядом с ним в разных позах. Не пацаны – и то на том спасибо. Так что я почти смирился.

Несмотря на развратное платье, во время нашего знакомства девица продолжает строить из себя невинную крошку. Глаза в пол, губки бантиком. Какая прелесть.

Смотрю на ее такие модные сейчас платиновые волосы, на припухшие от поцелуев губы. Плечи тонкие, шея длинная, а ноги – от ушей. Кожа почти фарфоровая, только розоватая на щеках. Острые ключицы сильно выпирают вперед, и все это время она тяжело дышит. Волнуется, или ее так сильно возбуждает мой сын?

– Рада встрече, – произносит она едва слышно.

– Рад познакомиться, – откликаюсь я. – Александра, зовите меня просто Николай. Без отчества. Адам, останешься на ужин? Думаю, ты не просто так приехал?

Я знаю своего сына. Теплые родственные связи нас никогда не связывали, и если он приезжает, то строго по делу.

– Но у нас заказан столик на двоих... – мнется Алена.

– Мы никуда не поедem. Ко мне сын приехал. Закажи еду на дом.

Ее истерики стали надоедать. Я достаточно трачу на нее, чтобы не выслушивать лишнее. Но оказывается, все ее подруги зимуют в Таиланде, Австралии, а третьи в Испании. И только она вынуждена морозить свой зад в Москве. Я чуть не сказал: «Скатертью дорога», помешал только приход сына.

Алена с перекошенной физиономией уходит, а я снова смотрю на невинную овечку в развратном платье.

Одна из лямок то и дело спадает с плеча, обнажая верхнюю часть высокой девичьей груди. Да, пожалуй, я очень хорошо понимаю, чем она привлекла моего сына.

Адам провожает взглядом Алену и смотрит на меня:

– А куда делась Вероника?

– Пришел учить меня жизни? Интересно, – вскидываю я бровь.

– Остынь, отец. Я пришел поговорить о деле.

Это звучит так же смешно, как его разговоры о моих женщинах. Яйцо не понимает, почему курицу так раздражает, когда кто-то учит ее жизни.

– Поговорим за ужином, – киваю я, краем глаза замечая, как с плеча Александры снова сползает лямка.

Кривая у нее спина, что ли?

Девушка не делает ни одного движения, чтобы поправить лямку. Сидит, глядя в пространство темными глазами. Необычное сочетание с белыми волосами. Должен признать, у нее яркая и необычная красота. Даже с таким цветом волос, который сейчас у каждой третьей. Платиновые блондинки были даже у меня. Когда-то.

Правда, им было лет на десять больше, чем этой.

Из-за острого голого плеча не могу сосредоточиться на разговоре. Ну же. Просто подними эту чертову лямку. У тебя так все платье сползет до талии, а ты и не заметишь.

– Александра? – произношу, не выдерживая.

Она замирает и медленно останавливает на мне свой темный взгляд.

– Да?

– Вы где-то учитесь? Работаете?

Вижу, как Адам подбирается, распрямляя плечи. Звездный час для девушки. Но сама Александра ничего не отвечает, только смотрит на меня в упор, как если бы не поняла ни слова.

У меня закрадывается нехорошее предчувствие, особенно когда она произносит:

– Я сейчас... Мне нужно... Где здесь? – она смотрит на Адама, но тот только непонятливо сдвигает брови у переносицы.

Ну и где чертова Алена, когда она так нужна? Впрочем, наверное, легче завести слуг, чем надеяться на любовницу. А еще придется разобраться с этим лично.

Указываю Александре рукой вперед и произношу:

– Пойдемте. Я покажу.

Она семенит следом, вцепившись в крохотную сумочку, я же украдкой смотрю на ее профиль. Совсем ведь еще ребенок, и как дошла до такой жизни?

– Сколько вам, Александра?

– Девятнадцать.

Голос у нее хриплый, тихий, а взгляд рассеянный. При этом она почти не смотрит мне в глаза. И ее немного шатает. Великолепный выбор, сын. Ты переплюнул сам себя.

Показываю ей на дверь туалета, жду, пока зайдет внутрь. Слышу, как шумит дверь кабинки, а потом, судя по звукам, она снова возвращается к раковинам, но за дверью все остается по-прежнему тихо.

Сжимаю челюсть и даю девчонке время одуматься и вовремя выйти, чтобы избежать того, что я собираюсь сделать. Но ничего не происходит – дверь остается закрытой, звуков воды или сушки для рук нет.

Выждав время, достаточное, чтобы вымыть руки, неожиданно распахиваю дверь туалетных комнат. Александра моментально пугается. Вздрагивает всем телом и заводит руки за спину, пряча от меня то, что держит в руках.

К сожалению, я не ошибся. Чутье не подвело.

В два шага оказываюсь рядом и прижимаю девушку к стене. Ее соски моментально упираются мне в грудь, и даже через разделяющие нас слои одежды чувствую, насколько они твердые.

Но я здесь не для этого. Так что пусть даже не пытается меня отвлечь своими прелестями.

– Покажи, что у тебя в руках.

Ее глаза расширяются от испуга, но она упрямо трясет белобрысой головой.

В два счета отрываю ее от стены и вдавливаю грудью в мраморную столешницу возле раковины, как группа ОМОН при захвате. Блестящее платье из-за нашей борьбы настолько задралось, что теперь я вижу даже округлости розовых ягодиц, когда укладываю ее прямо на голый холодный камень.

Она тяжело и нервно дышит, маняще приоткрыв пухлый рот.

– Отпустите!

– Покажи мне, что у тебя в руках. Я ведь должен объяснить сыну, почему сейчас вышвырну его девушку за дверь. А наркотики в моем доме недопустимы.

– Это не то... Что вы подумали!

Смотрит на мое отражение в зеркале черными глазищами, сверкая гневом. Чертово платье вообще не держится на ее плечах – теперь я вижу практически всю ее грудь. Увидел бы больше, если бы она не лежала на столешнице. А так довольствуюсь только краем нежно-розовой ареолы, но вкупе с ее оголенными ягодицами хватает и этого.

Член в штанах дергается, но я усмиряю желание. У меня не встанет на малолетнюю наркоманку, а еще я сделаю все, чтобы избавить сына от ее общества.

– Не то, что я подумал? Но если тебе нечего скрывать, почему ты до сих пор держишь свои руки сжатыми, пряча от меня это?

Она шипит, как разъяренная тигрица. Бьет каблуком, но промахивается мимо моей ноги. Вполголоса материт меня, прожигая черными глазами отражение. А после сдувает белобрысую прядь и... сдается.

– Ладно. Черт с вами, я покажу, – выплевывает она. – Только отпустите.

Перестаю выкручивать ей руки и отхожу на шаг назад.

Она тут же выпрямляется, приводит в порядок одежду, возвращая чертовы лямки на место, а после швыряет то, что держала в плотно сжатых кулаках, прямо в меня.

Без единого звука, как будто ничего не весит, этот предмет сначала летит мне в грудь, а после приземляется на пол между нами.

Александра тут же пулей вылетает из туалета и, проводив ее взглядом, я опускаю взгляд ниже.

На полу лежат крохотные трусики.

Саша

Конечно, они у меня были.

Я взяла на всякий случай самые крохотные, какие у меня только были, бикини-ниточки, чтобы надеть после, если из клуба мы все-таки не сразу вернемся домой.

Не знала, насколько сильно Адаму понравится мой сюрприз и какие у него дальше были планы. Обычно Адам любит гулять всю ночь, поэтому решила оставить себе место для маневра. Не то чтобы я часто прибегала к такому обнажению... Для меня и самой это было в новинку. Но Адам любил смотреть, ему нравилось касаться меня прилюдно, под столом, в темноте кинотеатра. Он никогда не заходил далеко, хотя и намекал, что совсем не против, если однажды на мне не окажется трусиков.

Ну, вот я и решилась. Все-таки это его день рождения. Мне и самой было любопытно, что я буду испытывать при этом.

Очень вовремя. Ничего не скажешь.

Может быть, я бы и смогла высидеть без белья, будь кто-нибудь другой отцом Адама, но не теперь, когда им оказался такой мужчина, как Николай Одинцов. Не понимаю, что со мной происходит, но мне точно не нравится сидеть практически голой в его присутствии.

Надеялась, трусики помогут вернуть самообладание. Но не надевать же их посреди гостиной? Мы ведь на не общественном пляже, где заняты все кабинки для переодевания. Вот и попросилась в туалет. И надо же было ему заподозрить меня в том, что я принимаю в его туалете наркотики.

Господи! Не знаю, от какого унижения сильнее горят мои щеки во время ужина – что я так паршиво выгляжу, что похожа на наркоманку. Или что теперь отец Адама точно знает, что на мне нет белья. Никакого.

Я не стала их надевать после всего.

Не с пола.

И не при нем.

Так и вылетела в гостиную, пока он таращился на кусок шелка на полу.

К этому времени уже доставили ужин, а Алена командовала парнями из кейтеринга, как накрыть на стол. И из-за общей суматохи ни Адам, ни Алена не заметили, что нас с Одинцовым не было какое-то время. Как и того, что мои щеки горели так, будто я умывалась кислотой.

За столом я сосредоточилась на морепродуктах в своей тарелке, спрятав лицо за волосами. В беседе тоже не участвовала. А зачем? Никакое впечатление мне уже не произвести, а отец Адама и так сделал самые ужасные выводы, какие только мог.

Нет смысла убеждать его, что я отличница-студентка, а еще работаю волонтером в благотворительной организации по защите окружающей среды. Все достижения полетели к чертям, и наше столкновение в туалете перечеркнуло все впечатления, на какие я только могла рассчитывать.

Адам говорит с отцом о делах – и хорошо. Я ничего не смыслю в конструировании солнечных батарей, а именно это основной бизнес Одинцова. Знаю только, что Адама не подпускают и близко к семейному бизнесу, но именно это его и манит. Не гостиничное дело, торговля элитными автомобилями, долями в которых тоже владеет его отец, и не благотворительность.

Только со слов Адама знаю, что его семья тратит очень большие средства на благотворительность, но теперь уже и не верю в это. Разве такой монстр, как его отец, вообще способен к сочувствию? Наверное, занимается этим для галочки.

Адам долго вынашивал план-инновацию о реконструкции солнечной батареи и теперь пытается донести до отца всю важность этой идеи, но тот слушает, кажется, только из вежли-

вости. Родители все одинаковы. Когда я давала советы маме, как жить, она слушала меня так же – с долей скепсиса и пренебрежения. А потом я просто уехала и стала жить, как сама считаю нужным.

Сидящая напротив Алена пару раз пыталась заговорить со мной о вечеринках, клубах и модных тусовках, но быстро поняла, что я птица не ее круга. Если мне и были знакомы фамилии тех людей, что она называла, то оказывалось, что я знаю младшее поколение. Алена же вращалась среди их отцов и матерей.

Думаю, именно из-за пропасти между нами в почти десять лет ее перекосило только сильнее. Кажется, теперь она видит во мне соперницу, как та старая королева с волшебным зеркальцем из сказок.

Ума не приложу, как я умудрилась испортить отношения сразу со всеми, исключая Адама. Но ведь еще не вечер.

Одинцов

Пытаюсь сосредоточиться за ужином на делах, ведь в кои-то веке Адам предлагает что-то действительно интересное, но перед глазами, хоть тресни, так и стоят розовые ягодицы, едва прикрытые платьем.

Вместо оптимизации потребления энергии думаю только о том, где же мои девятнадцать, когда было так умопомрачительно прекрасно узнать, что твоя девушка вдруг не надела трусики.

Зная пристрастия Адама, легко могу представить, что именно эта пикантная деталь и была сюрпризом на его день рождения. Они ведь ехали на вечеринку, но мое внезапное возвращение на родину перекроило их планы.

Судя по всему, Адам действительно интересуется инновациями в разработке солнечных батарей, раз пренебрег даже вечеринкой. Хотя, возможно, они еще отправятся туда. Ведь в девятнадцать после полуночи жизнь только начинается.

И на этот раз на его девушке действительно не будет нижнего белья. Вообще никакого под этим тонким, ужасающе тонким платьем, которое не скрывает девичьих угловатых бедер. Ни лифчика, ни трусиков – как я уже мог лично убедиться. Ничего.

По уму я виноват. Очень перед ней виноват. Не каждый отец выкручивает руки девушке своего сына, любуясь при этом ее голой задницей.

И по справедливости должен извиниться. Но я совершенно не знаю, как и когда.

Очень часто в путешествии мечтал о хорошем ужине из любимого ресторана, но теперь мне и кусок в горло не лезет, хотя еще час назад чувствовал зверский голод.

Саша больше не поднимает глаз, не произносит и десяти слов за ужином, отделившись от Алены и ее трепа кивками и однотипными ответами. И ежу понятно, что больше она не останется со мной наедине ни при каких условиях, а извиняться при сыне за то, что сделал, я не буду.

Не хочу рушить этот неожиданный ужин. Впервые мы с Адамом разговариваем как два взрослых человека. И мне даже интересно.

Еще бы не всплывали постоянно перед глазами ярко-розовые ареолы с твердыми сосками.

Это мог бы быть лучший вечер в моей жизни, ведь пьяной тусовке сын предпочел важную беседу о семейном бизнесе, но при этом из-за Саши это худший вечер в моей жизни.

В штанах становится тесно только оттого, стоит мне снова взглянуть, как она прикусывает губу. Или когда снова возится с чертовой лямкой.

Мой голод по женскому телу понятен. Я провел вдали от цивилизации и нормальных женщин почти два месяца, а встреча с Аленой принесла только упреки и претензии. Но это совсем не значит, что это нормально, когда у тебя стоит на девушку сына.

Она ребенок. Все еще ребенок. Между нами двадцать лет разницы, и даже для мимолетной связи я выбрал бы девушку старше. Мои женщины всегда были или ровесницы, или младше меня максимум лет на пять. Но никогда на целых двадцать.

Когда она родилась, у меня уже был сын. И вот он сидит рядом с ней и снова лезет ей под юбку. При мне. И может быть, он знает, что на ней нет белья, а может быть, это все еще приятный сюрприз для него.

Я всегда закрывал глаза на эти заигрывания, ведь Адам не в первый раз тискает при мне своих девушек. Но сейчас почему-то не могу даже смотреть на это, и мне не нравится, что мои чувства как-то очень уж напоминают... *зависть*?

Да. В точку.

Я завидую тому, что именно он сегодня прикоснется к ее отзывчивому молодому телу, сорвет с нее эту блестящую тряпку, которая не в состоянии удержаться даже на ее плечах.

И потом...

А вот чем мой сын займется с ней потом, лучше не думать. Просто надеюсь, мой сын умеет обращаться с тем, что у него в штанах и чем его наградили природа и мои гены.

Впервые в жизни мне хочется выпроводить сына из дома как можно скорее. Поставить Алену раком и просто спустить пар. Должно полегчать. А в следующий раз иди знай, когда мы увидимся с этой Сашей. Может, никогда, и в следующий раз Адам вообще приведет другую. В его возрасте это нормально. Ни одну его девушку я не видел дважды.

Адам фонтанирует идеями, и я впервые слушаю собственного сына с интересом. Все портят только тонкие ключицы, под которыми все чаще вздымается острая девичья грудь. К ним мой взгляд возвращается с завидной регулярностью. Но даже разговор о деле не мешает Адаму лезть к Саше под юбку.

Нет, этого я точно не могу выдержать. Пора заканчивать.

Заранее с днем рождения не поздравляют, поэтому отделяюсь обещанием позвонить завтра. Обещаю встретиться с ним через три дня, после благотворительного мероприятия, на которое он точно не пойдет. К тому, чем я занимаюсь в свободное от основного бизнеса времени, нужно прийти самостоятельно. И я ничего не выиграю, если силой отвезу Адама со мной в страну, которая завладела моим сердцем. Как и с солнечными батареями, он либо сам придет к этому, либо нет.

Наконец Адам принимается вызывать такси, но машин нет. Оно и немудрено. За окном настоящий буран.

Вижу по глазам Саши, что она скорее пойдет пешком, чем останется рядом со мной еще хоть одну лишнюю минуту. Целиком разделяю ее чувства, но отпускать ее без белья, в тряпке и на каблуках в метель тоже не буду.

– Собирайтесь, я вас отвезу.

– Ты? – удивляется Адам.

– Я не пил за ужином, в отличие от тебя, что тебя так удивляет?

– Просто... Даже в десять лет ты отправлял меня обратно к матери вместе с водителем. А теперь вдруг вызвался сам отвезти?

Воспоминания сына царапают сердце. Прошлого не изменить, но у меня еще есть шанс не испортить будущее.

– Все равно я не вызову сейчас Гришу, уже поздно, да и погода не даст ему добраться, так что да, отвезу вас сам. Вы домой? Не подумай, что я читаю тебе морали, просто вы не выберетесь потом со своей вечеринки.

Скажи, что ты отвезешь свою полуголую девушку в кровать, а не в переполненный клуб, где каждый пьяный мужик захочет облапать ее через эту тонкую тряпку.

Адам смотрит на Сашу, и в глазах той я вижу отражение своих мыслей. Если поначалу прогулка без трусиков казалась ей веселой забавой, то больше нет. И за это она может сказать спасибо только тебе, Одинцов.

– Ты не сильно расстроишься, если мы поедem домой? Мы ведь можем повеселиться и завтра, верно, малыш? Мне так не терпится засесть за расчеты.

– Конечно! – с радостью отвечает Саша.

Пьяному угару сын предпочел дело, которое помогло мне сколотить состояние. Даже не мечтал, что доживу до этого.

Мы быстро одеваемся и спускаемся на подземный паркинг. Дороги чистят, но безрезультатно. Машина тащится со скоростью черепахи, но когда слышу с заднего сиденья: «Замерзла, малыш?» – делаю все, чтобы ехать быстрее.

Ночь, метель, романтика и молодость. Кто бы поступил иначе? Не могу винить сына, но близок к тому, чтобы заорать: «Убери руки и просто дай мне спокойно доехать до твоего чертового дома!»

В зеркале заднего вида в свете фонарей отражаются белые длинные ноги. Адам водит по ее бедрам рукой, чтобы согреть. Пальцы движутся все выше и выше.

Прямо *туда*.

– Холодно? – громко спрашиваю я.

Я уже врубил обогрев сидений, печку и все, что только можно было.

– Все нормально, – отвечает Адам.

Да уж тебе, конечно, нормально.

Даже в скупом отражении вижу, как закаменела Саша. Как стиснула ноги, не позволяя Адаму зайти дальше. Но мой сын умеет быть настойчивым. Его руки скользят по ее телу под пальто, а губы касаются ее.

В других обстоятельствах я бы даже порадовался за него, но сейчас почему-то не могу.

Когда-то давно я также вез друзей с дискотеки, – тогда они еще назывались именно так, а не клубами, – и вот тогда с небывалой жадностью следил за происходящим на заднем сиденье. Ведь по прибытии я присоединился к ним, но кто бы мог подумать, что по прошествии лет я превращусь в старого брюзгу, который будет так сильно против прелюдии в машине.

Я теперь как те бедные таксисты – должен просто смотреть на дорогу. И не думать. Не вслушиваться в шорохи. Не обращать внимания на ножки, которые она все-таки слегка расставила для него шире.

Все-таки смог. Мой парень.

Но лучше бы он этого не делал.

– Приехали! – громко возвестил я. – Приятно было познакомиться, Александра.

– Спасибо, отец. Хорошего вечера!

– И тебе, – проскрежетал я в ответ, выезжая из сугроба. – И тебе.

Саша

На заднем сиденье шикарного внедорожника Одинцова-старшего мне уж точно было не до заигрываний. Сначала я пыталась стряхнуть руки Адама со своих бедер, но намеков он не понял. Я же не могла вытерпеть этого при его отце. Особенно если учесть, что сидела посередине и очень даже хорошо отражалась в зеркале, в котором иногда ловила сапфировые быстрые взгляды.

Но в какой-то момент Адам с силой, невзирая на мое сопротивление, все-таки раздвинул мои ноги. Я опешила от такого поворота и едва не наорала на него. Спасло только то, что мы

уже приехали. Иначе я бы влепила ему пощечину прямо при отце и тогда брела бы по сугробам в поисках попутки. А при моем нынешнем виде это чревато.

Моего недовольства Адам явно не понял. Тепло попрощавшись с отцом, он притянул меня к себе уже в лифте, стоило нам войти в новостройку, где отец на совершеннолетие купил ему квартиру.

Теперь мы были одни, и наконец-то можно было прояснить ситуацию, так что я отстранилась. Посмотрела на своего парня и почувствовала слабый укол разочарования – его глаза не были такими ярко-синими, как у отца, скорее, дымчато-серыми. А ведь мне раньше нравился цвет его глаз.

– Не надо было делать этого при отце, Адам.

– А что не так? – удивился он. – Отец давно в курсе, что я, вообще-то, даже сексом занимаюсь.

Да, но этой ночью ты хочешь заняться *им со мной*.

И Одинцов-старший тоже об этом знает.

Еще один странный укол, как будто таблетка не в то горло попала. Черт. Да почему меня это так задевает? Встряхнула влажными от снега волосами, как будто могла выкинуть отца Адама из головы в буквальном смысле. Какого черта он стал незримым третьим в наших отношениях? Даже сейчас, когда его нет рядом!

– Послушай, Адам. Я была против и держала ноги крепко сжатыми. Разве это не было понятно? А ты применил силу и сделал в машине все по-своему.

Адам пожал плечами.

– Я думал, ты просто дразнишь меня.

– «Нет» значит «нет», Адам.

Он поднял руки.

– Да понял я, понял. Что ты взъелась так, Саш? При отце тебя не трогай, а сейчас прямо послушать, так я чуть ли не насиловать тебя собрался. «Применил силу», господи! Я просто гладил твою коленку.

Лифт открылся, и мы молча вышли на этаже.

Мы встречались почти год, – девять месяцев, если быть точной, – но я до сих пор жила в общежитии университета и только иногда ночевала у Адама на выходных. Меня это устраивало. Раньше.

Сегодняшний же вечер вымотал меня подчистую. Впервые я пожалела о том, что в такие вечера у меня даже не предусмотрены пути для отступления. А ведь так хотелось вернуться к себе, надеть любую пижаму и свернуться клубком под одеялом, надеясь, что сапфировые глаза чудесным образом сотрутся из памяти. Зачем он смотрел в зеркало? Не посмотрелся в туалете? Он бы еще вслух Адама предупредил о том, что я сижу без нижнего белья.

Адам распахнул дверь и включил верхний свет. Сбросил свою куртку и подошел ко мне сзади, обнимая за талию.

– Иди ко мне, Саш, – прошептал Адам, снимая с меня пальто и целуя в плечо. – Сейчас я сделаю так, чтобы ты расслабилась.

Но я почему-то дернула плечом, не давая ему снять с меня пальто.

– Да что теперь-то началось?! – рявкнул Адам.

– Нет настроения. Прости... Я, наверное, поеду.

– И куда ты поедешь, ненормальная? Там к утру разве что расчистят. Нормально же все было, что случилось?

– Просто я... Не понравилась твоему отцу. И...

– Глупости.

Адам легко поцеловал меня в щеку и снова потянулся к верхней одежде.

– Раздевайся, Саш, – промурлыкал он. – Уже полночь. Мой день рождения официально наступил, хочу отметить это с тобой.

– А где твоя мама, Адам?

Он резко отстранился.

– Нет, ты серьезно? Я не хочу говорить об этом сейчас! Я вообще не хочу больше говорить ни о чем, Саш! Я хочу оказаться в постели со своей девушкой, но ты сегодня просто невыносима!

– Просто ты никогда не рассказывал о своей семье.

Адам шумно втянул воздух через нос.

– Не о чем рассказывать. Мама умерла от рака, когда мне было три. А отец всю жизнь работал, попутно пропадая на месяцы в разных частях света. Что тут интересного?

– Да так... А у них с Аленой все серьезно?

– Мне-то откуда это знать, Саш? – всплеснул руками Адам. – Короче, понятно. Я в душ, потом спать.

Он развернулся и ушел в ванную комнату, оставив меня одну в коридоре.

Я посмотрела на летние туфли, голые ноги и пальто, которое не могло согреть, учитывая, что под ним я была почти что голая. И даже позвонить некому, чтобы меня забрали и увезли домой. А пешком идти в ночь и метель – самоубийство.

Нехотя стянула пальто, нашла тапочки и прошла на кухню. Поставила чайник, обхватила себя руками и посмотрела на снежную сказку за окном. Хлопнула дверь ванной, но на кухню Адам не зашел. Сразу пошел в спальню, а после выключил свет.

Наша первая ссора. В его день рождения. Класс.

И «благодарить» за это надо Одинцова-старшего.

Одинцов

– Куда теперь, Николай Евгеньевич? – спросил Гриша, когда я вернулся в машину.

– К университету, Гриш, – ответил я, расстегивая пуговицы пиджака. – Последняя остановка на сегодня.

– Понял.

Откинулся на спину, на миг прикрыв глаза, пока он вливался в городской трафик. Голова гудела. На пребывание в Москве я оставлял слишком мало времени, а поэтому за тот короткий период нужно было решить так много вопросов, что в сутках едва хватало часов. Этим я и занимался последние несколько дней, прошедших с моего возвращения.

У моих заместителей или партнеров не было полномочий на решение этих вопросов, а передать дела мне по-прежнему было некому. До этого дня Адама не интересовал семейный бизнес, но его внезапный интерес давал шанс, что однажды я смогу еще меньше вопросов решать удаленно, а остаток жизни посвятить тому, что действительно было по душе.

Вспомнил, что хотел изучить разработки Адама, которые он все-таки выслал мне вчера, но я освободился слишком поздно, чтобы заниматься ими.

Потянулся к телефону сейчас, чтобы пробежаться по схемам сына, пока стояли в очередной пробке. Открыл письмо Адама и сразу нажал на значок скрепки.

Дождался, пока картинка загрузится.

И чуть не выронил телефон.

С экрана мне улыбалась голая девчонка с платиновыми волосами.

Твою мать!

Адам, ну ты бы хоть смотрел, какие файлы присоединяешь. Вышел и еще раз проверил. Да, все так.

«Привет, пап, высылаю разработку. Кое-что допилить, конечно, надо, но в целом идея должна быть понятна».

И вместо чертежей – голое фото собственной девушки.

Открыл еще раз.

Не знаю зачем.

Может, чтобы убедиться, что мне не показалось и это действительно письмо сына, а не очередное спам-приглашение на какое-то онлайн-шоу.

Нет. Это не случайная девушка.

Это Александра.

Твою мать.

Голая, поперек постели.

И судя по ракурсу фото, Адам стоял позади нее, пока она лукаво улыбалась ему через плечо. Обнаженная попка и две ямочки над ягодицами так и притягивали взгляд. Смотрел так долго, как будто это была не фотка, а кадр из хоум-видео. Но изображение не ожило, а голая Александра так и осталась лежать на животе.

Нажал «Ответить» и написал Адаму, что будь я его работодателем, не стал бы с ним возиться после такого. И попросил внимательнее относиться к тому, какие файлы он отправляет другим людям, нельзя же так халатно относиться к личной жизни.

Ответ от сына пришел незамедлительно:

«Черт, пап! Случайно не туда ткнул».

Я тяжело вздохнул, отбросив телефон в сторону.

– Тяжелый день? – спросил Гриша, не оборачиваясь.

Еще какой.

– В Москве иначе не бывает, – вслух ответил я.

Снова попытался привести чувства в равновесие, но острые голые плечи так и стояли перед глазами. Ей определенно стоит провериться на сколиоз, это ведь ненормально, что одежда на ней вообще не держится.

Член в штанах снова начал подавать признаки жизни. Лежать! И даже не смей думать, что может быть иначе. Это все еще девушка моего сына. Ничего не изменилось.

По крайней мере, пока.

Никаких «пока», Одинцов! Даже если бы она была просто студенткой, разница в возрасте между мной и ребенком – просто возмутительна. Она мне в дочери годится.

Хотя чувства мои далеки от отеческих.

Наверное, все дело в том, что у меня так и не было секса.

После того как я вернулся домой, Алены там уже не было. Решила показать характер и ушла первой. Как чувствовала, что я собирался поставить точку. И я бы обязательно разорвал с ней отношения, только из-за Александры сделал бы это ровнехонько перед поездкой. Чтобы мне было с кем трахаться все оставшееся в Москве время!

А не как сейчас. Я и кулак.

Алене я так и не звонил, а она была слишком гордой, чтобы связываться со мной первой. Вот только у меня не было времени, чтобы искать себе новую любовницу, да еще такую, которая потом не создаст новых проблем. Да и не вызывать же проститутку. Я умею доставлять удовольствие и люблю, когда женщине хорошо со мной. Опыт секса со жрицами любви подсказывает, что в таком случае проще спустить в кулак в душе, чем выслушивать имитацию множественных оргазмов, достойных «Оскара».

Алена кончала по-настоящему, а не притворялась. Вот не выедала бы мозг тем, что ей обязательно нужно зимой свалить на курорт, вообще хорошо было бы.

И все-таки придется позвонить первым. Вот если бы не проблема «Александры», так бы и разбежались, а потом я бы опять улетел.

Снова потянулся к телефону, чтобы все-таки набрать Алену. Но стоило разблокировать экран, как я снова уставился на голую женщину в постели.

Именно женщину.

Вот что сбивает с толку мой член. Голая и в постели, она уже не выглядит ребенком. Судя по румянцу и припухшим губам, она только что занималась сексом и, наверное, занялась им еще раз сразу после этого злосчастного снимка.

Что ж...

Моему. Сыну. Повезло.

Кажется, это становится моей персональной мантрой.

Удалил письмо к чертям во избежание эксцессов. Эдак вместо того, чтобы идти в душ, в следующий раз спущу штаны, только глядя на эту задницу.

Черт-те что.

– Приехали, Николай Евгеньевич! – возвестил Гриш.

Слава богу! Хоть отвлекусь.

Саша

– Не волнуйтесь так, Александра, – приободрил меня Валерий Бенедиктович. – У вас замечательная презентация, нет задолженностей по профильным предметам, отличные оценки. У вас есть все шансы попасть в эту экспедицию.

Я улыбнулась, собирая бумаги в папку. Репетиция прошла хорошо, ведь я все-таки выучила свою речь, несмотря на то, что последние три дня перед таким важным событием мне никак не удавалось собраться с мыслями.

После знакомства с Одинцовым-старшим, глядя на Адама, я не могла перестать их сравнивать. И неважно, чем мы при этом занимались. Ужинали, смотрели кино или встречались с его друзьями на следующий день по случаю дня рождения, я то и дело ловила себя на мысли, что чересчур внимательно рассматриваю Адама. И подмечаю разницу с его отцом – во всем, начиная от формы носа до разреза глаз.

Сложней всего было заняться с ним сексом. Я так и не смогла расслабиться! Не говоря уже о том, чтобы получить удовольствие. Пришлось сказать, что просто устала.

Меня не покидало ощущение чего-то горького, неправильного, упущенного, как будто мне было уже под тридцать и половина жизни осталась позади.

Но ведь мне только исполнилось девятнадцать, я молода и полна сил, так какого же черта мне кажется, что я совершила какую-то непоправимую ошибку?

Я все-таки нашла время и смоталась в торговый центр, чтобы выбрать Адаму нормальный подарок. Не собиралась краснеть второй вечер подряд из-за отсутствия белья. Так что, уважаемые редакторы женских журналов, засуньте себе в задницу советы о том, что «ваш парень будет в восторге, когда узнает, что под платьем на вас нет нижнего белья».

Парень, может, и будет, а вот как насчет отца парня, который случайно обнаружит этот факт первым?

Целый год я готовилась к важнейшему выступлению в своей жизни, после которого руководители фонда по защите природы выберут единственного кандидата для участия в экспедиции, а в итоге, когда этот день наступил, ощущала себя так, как будто меня пропустило через мясорубку.

Собрав документы, я снова посмотрела на своего преподавателя. Он снова мне улыбнулся:

– Проходите в зал, Александра. Желаю вам удачи!

Знаю, он может быть необъективным. Очень уж Валерий Бенедиктович хорошо ко мне относится, да и зоопсихология у меня любимый предмет.

В актовом зале, когда я пришла, уже было необычайно многолюдно.

– Саш, я заняла нам места! – помахала мне Кристина.

Я с трудом протиснулась к ней, то и дело извиняясь.

– Ну что сказал Бенедиктович? Все норм?

– Похвалил, – сдержанно отозвалась я. – Но что-то я вообще не чувствую в себе уверенности.

– Ничего, это все нервы, – успокоила Кристина. – Перегорела, пока готовилась. Ой, смотри! Приехали!

– Где? – я покрутила головой, но людей в зале стало только больше.

Кристина аж вытянулась, поднявшись на носочки, чтобы разглядеть руководителей фонда.

– Да вот там Бенедиктович с ним здоровается... А не, тебе не видно, Саш. Далеко, и люди вокруг... А он ничего, – неожиданно выдала она. – Судя по загару, молодец, не сидит в кабинетах, как все остальные. О, вот он к сцене идет. Сейчас увидишь.

Она мигом опустила на сиденье. А по лестнице сбоку от сцены поднялся мужчина. И при виде него земля ушла из-под моих ног.

Безупречную фигуру подчеркивал костюм идеального покроя, а в свете софитов блеснули холодными искрами запонки на манжетах.

Меня окатило волной жара. Почему-то представила его полностью одетым, в то время как абсолютно голая Алена, едва выбравшись из постели после ночи любви, помогает ему застегнуть запонки.

Черт возьми, почему Адам не рассказал мне, какой именно благотворительностью занимается его отец?!

А впрочем, чему я удивляюсь? Адам пропускал мимо ушей все, чем не интересовался лично, я проверила это на себе. А последние полгода его занимали исключительно солнечные батареи.

Николай Одинцов сбросил пиджак на спинку стула, занял свое место за столом председательской комиссии, а после с легкостью сам справился с запонками и даже закатал рукава белоснежной рубашки до локтей.

При виде обнаженных загорелых предплечий, массивных часов на запястье и тугих вен под бронзовой кожей – мне стало еще хуже.

Жесткие тени софитов только подчеркнули его острые аристократичные скулы, которые придавали его лицу хищное выражение.

У Адама, кстати, таких скул тоже не было.

– Ты чего так побледнела? – прошипела Кристина. – Не волнуйся, все будет хорошо! Кто, если не ты, должен туда поехать? Никто из всего нашего потока не сделал столько, сколько сделала ты за этот год ради этой поездки.

В этот момент своим сапфировыми лазерами Одинцов лениво прошелся по зрительному залу, как военачальник оглядывает ряды солдат. Но от безмятежности не осталось и следа. Его взгляд вдруг запнулся, потемнел и остановился на мне.

Одинцова аж перекосило. Он уставился на меня, явно не веря своим глазам, а я почему-то снова задержала дыхание. Ощущение было, словно он подставил к моей коже горящую спичку, а ведь между нами было более десяти забитых под завязку зрительских рядов.

Под этим тяжелым, как бетонный каток, взглядом, я в очередной раз поправила свитер с широким горлом. И хотя под ним у меня была даже водолазка, я ощутила себя почти что голой.

Снова.

Сапфировые глаза Одинцова моментально впились в мое плечо, на которое я тщетно попыталась водрузить свитер. Ясная синева потемнела, а брови сошлись на переносице. Чего он злится? На мне сегодня одежды раз в пять больше, чем тогда! Чем я ему снова не угодила?

– Саш! – зашипела Кристина. – Заснула, что ли? Бенедиктович зовет! Дуй на сцену!

На абсолютно ватных ногах я поднялась и прошла к сцене, не сводя глаз со своего преподавателя. Итак, главное правило сегодняшнего дня – не смотреть на Одинцова. Только не сейчас!

Его взгляд обладает надо мной поистине гипнотизирующей магией. Боюсь, что стоит мне посмотреть на него в ответ, как я забуду не только речь, которую писала последние полгода, но даже собственное имя.

Я улыбнулась Валерию Бенедиктовичу, стараясь не фокусироваться на том, как горит кожа под мрачным взглядом Одинцова. Он невзлюбил меня с первого раза, и теперь уже ничего не исправить.

Нужно было поприветствовать комиссию, и я надеялась, что это и будет единственный раз, когда я взгляну в лицо отцу Адама.

Так и произошло.

Вот только именно в этот момент, когда наши взгляды скрестились, Николай Одинцов сделал едва уловимое движение рукой. В его пальцах на долю секунду мелькнуло... хорошо знакомое кружево.

Мои трусики.

У него.

В кармане!

ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС.

– Начинайте, Александра, – поторопил меня Валерий Бенедиктович. – И не волнуйтесь.

Не волноваться? Да я в шаге от гребаной панической атаки. Мой звездный час кончился еще до того, как начался. И в этом опять виноват только Николай, чертов Одинцов. Отец моего парня, который хранит мои трусики у себя в кармане пиджака!

Одинцов

Да, в тот вечер я подхватил ее трусики с пола и спрятал в кармане. Зачем? Не знаю. Не оставлять же их на полу в собственном доме, чтобы их нашла Алена и закатила скандал почему зря.

В любом из вариантов, трусики Александры – девушки моего сына! – были источником головной боли, поэтому я решил, что возьму их с собой и избавлюсь где-нибудь вдали от дома. Но дел в эти дни было столько, что стоило выйти за порог, как я принимался решать действительно важные вещи, а кружевные улики отступали на задний план.

Вот поэтому изо дня в день я только перекладывал комок шелка из одного пиджака в другой, и так они оказались у меня на презентации в университете, где одной из выступающих оказалась их владелица.

А вдруг заметил кто-то еще? Где была моя голова, и почему я поступаю как последний придурок рядом с ней? Ответов не было.

Зачем я вообще показал их ей? А ведь она точно увидела черное кружево в моем кармане, судя по тому, как кровь отлила от ее лица.

Мне даже понравилось, что она запинаясь и заикается из-за меня, хотя и продолжалось это недолго. Александра сумела взять себя в руки и закончила выступление без сучка и задоринки. Идеально, интересно, четко, а после, гордо вскинув белесую голову и так и не взглянув на меня, покинула сцену под оглушительные аплодисменты.

Я ей не хлопал, только сжимал в кармане ее трусики и понимал, что все это зашло слишком далеко.

Меня цепляла за живое эта несносная пигалица. И самое ужасное было в том, что я никак не мог позволить ей выиграть грант и стать одним из членов экспедиции.

Мой скорый отъезд должен был помочь с тем, чтобы больше ее никогда не видеть и со временем выкинуть из своей головы. Надежда была только на это. Ведь за три прошедших дня я не только не забыл ее, но и думал о ней каждую свободную минуту, когда натыкался на черный шелк в своем кармане.

А теперь, если я не отыграю роль мерзавца, Александра не только не останется в Москве. Она еще и поедет вместе со мной. А этого я допустить не могу.

Она была не единственная, чьи презентации мы выслушали, но легче не стало. Это были невразумительные советы желторотых юнцов, которые если и видели больших кошек, то только на картинках учебников. Александра была единственной перспективной студенткой, при взгляде на которую даже хмурый Бенедиктович молодел и распрямлял плечи. И вот он уж точно относился к ней по-отечески, в отличие от меня.

Да и она вряд ли швыряла в академика свое нижнее белье и не сверкала перед ним голой задницей. Не говоря уже о том, что он вряд ли разглядывал ее обнаженные фотки, поправляя член под брюками.

Когда все закончилось, я вышел со всеми остальными представителями комиссии в пустую аудиторию рядом с актовым залом. Мы должны были принять окончательное решение о том, кто из студентов удостоится наивысшей части ехать в экспедицию, но решать, на самом деле, было нечего. Самым достойным кандидатом была Александра.

– Что ж, – обратился к нам Валерий Зелинский. – Думаю, наш выбор очевиден, коллеги?

Я впился ногтями в податливые кружева в своем кармане и, ненавидя самого себя за то, что собираюсь сделать, произнес:

– Да, думаю, тот парень... Сергей Буланов достоин того, чтобы поехать с нами.

В аудитории повисла тишина. Зелинский выглядел опешившим.

– Николай Евгеньевич, позвольте, но моя студентка... Александра Рудазова...

Нет. Она никогда не поедет туда вместе со мной. Во-первых, я видел ее голой и очень хочу увидеть еще, во-вторых, она девушка моего сына, и в-третьих, у меня на нее стоит.

Так что нет.

Но вслух сказал:

– Для такой серьезной и опасной экспедиции, как эта, у нее есть один существенный недостаток. Она девушка. Ей будет сложно в полевых условиях. Мы будем жить в палатках, вы же знаете, и предполагалось, что студент будет находиться постоянно под моим контролем. Мне будет легче, если моим коллегой будет парень.

О чем я думал, когда соглашался взять перспективного студента даже в свою палатку, мать вашу? И как мне теперь объяснить академику Зелинскому, что таким отвратительным поступком я спасаю самого себя от непоправимой ошибки?

Валерий Бенедиктович растерянно огляделся, но остальные члены комитета сосредоточились на таралетках, четко понимая, что решение всегда остается за руководителем, а также важнейшим спонсором. Это я оплачиваю поездку этого студента. Мне и решать, с кем спать в одной палатке.

– Что же это? – выдохнул Валерий Бенедиктович, разом постарев лет на десять. – Николай Евгеньевич, вы ведь ломаете карьеру самому перспективному зоопсихологу. Может быть, у вас сложилось ошибочное мнение о том, какая она девушка, но, положив руку на сердце, могу обещать, что она не доставит вам никаких проблем в дороге.

Еще как доставит.

При плюс тридцати по Цельсию на ней будет какая-нибудь едва прикрывающая задницу тряпка, в которой она, по крайней мере, дважды в день будет забираться и выбираться из моей палатки на четвереньках. А голые плечи?

Я не железный.

На академика было жалко смотреть. Игнорируя противный вкус желчи на языке, я качнул головой.

– Она со мной не поедет.

Зелинский стиснул ссохшиеся ладони.

– Понятно, – проскрежетал он и вышел.

Я осушил стакан воды залпом, надеясь, что противное ощущение, как будто я наелся дерьма, все-таки пройдет. Никогда не был таким мудаком, каким приходится быть из-за Александры. Раз за разом. Потрясающая способность выводить меня из равновесия.

С аппетитом саранчи остальные члены комитета продолжали методично уничтожать тарталетки. Редкостные мудозвоны. Один академик вступился за студентку, а остальные – твари дрожащие.

Отсутствовал академик недолго. Уже через минут пять вернулся с непроницаемым выражением лица. Вот выдержка у человека.

Но следом за ним в аудиторию внезапно ввалилась целая толпа студентов, и не успел я и глазом моргнуть, как вперед они вытолкнули... Александру.

Она снова смотрела только в пол, делая вид, что я для нее – пустое место. Хотел бы я относиться к ней так же.

– Что происходит, Валерий Бенедиктович? – холодно уточнил я.

Но академик проигнорировал мой вопрос и даже повернулся ко мне спиной. Я прекрасно знал, чем заслужил такое отношение, но не был намерен его терпеть.

– Валерий Бенедиктович, отправьте всех в зал, комиссия готова огласить результаты... – начал я, но академик прервал меня.

– Ребята! – возвестил бодрым голосом Зелинский, игнорируя мою просьбу. – Мы решили обойтись без официоза и готовы назвать имя победителя прямо сейчас! Вы ведь знаете, кто это?

– *Александра, Александра, этот город наш с тобою...* – вдруг запела толпа.

Вашу мать, нет!

– Саша, выйди сюда! Не прячься, – возвестил академик. – Комиссия выбрала тебя!

В этот миг с нее все-таки слетело оцепенение, в которое она всегда впадала рядом со мной.

Саша вдруг улыбнулась так широко и радостно, что отвращение от самого себя только усилилось. Она все-таки подняла глаза и посмотрела на меня с такой благодарностью, как никогда еще не смотрела. Скрывать эмоции она не умела. В ее взгляде черным по белому читалось все то, что она думала обо мне, и то, как рада она была, что ошиблась.

– Спасибо, – прошептала она, улыбаясь.

Знала бы она, что не ошиблась. Именно таким мудаком я и был.

Я не остался на банкет и вручение сертификатов и дипломов остальным участникам. Еще по дороге на парковку, где меня ждал Гриша, достал телефон и, наплевав на собственную гордость, набрал Алену.

– Ты хотела отправиться зимовать в теплые страны? – процедил я без всякого приветствия.

– О, дорогой, да! Спасибо! Я так рада это слышать! Куда мы поедем? Таиланд? Мексика? Австралия?

– Так ты поедешь вместе со мной, да? – уточнил я.

– Конечно, Николай! Я ведь так люблю тебя! И сейчас же начну собирать вещи, только скажи, куда мы едем?

– В Африку, дорогая. Через неделю ты летишь вместе со мной в Уганду.

Саша

Звонок Адама отвлекает меня от непривычной возни перед зеркалом – уже битый час я никак не могу решиться, что надеть.

Первый совместный сбор членов экспедиции, направленной на восстановление численности львов в национальном парке Руанды, запланирован на сегодняшний вечер. И мне не совсем понятно, почему я отмечаю наряд за нарядом перед деловым, по сути, собранием. Может быть, это оттого, что я слишком хорошо уяснила, что встречаются именно по одежде и только провожают по уму.

Звонок Адама к тому же застает меня врасплох. Вот уже второй день после моей презентации в университете я не могу рассказать своему парню о том, что выиграла конкурс и скоро уеду на сорок дней из Москвы.

И я совершенно не понимаю, почему я не могу заговорить об этом с ним первой. Может быть, потому что я жду, когда он сам вспомнит и спросит, как все прошло. Но Адам не задает ни одного вопроса, хотя и видел, сколько времени я готовилась.

– Привет! Чем займешься сегодня? – весело интересуется он.

Прошлым вечером Адам снова встречался с отцом, а я сослалась на то, что ничего не понимаю в солнечных батареях, хотя на самом деле с меня было достаточно встречи с Одинцовым-старшим в стенах университета. Особенно зная, что в одном из его пиджаков до сих пор лежит мое бикини. Я просто не представляла, как смотреть ему в глаза.

– Ммм... Да ничего особенного, а ты уже закончил с солнечными батареями?

Я обязательно расскажу Адаму про поездку, но не по телефону ведь?

– Да, мы закончили основную работу, хотя мне еще есть, что доводить до ума, – отзывается Адам в трубке. – Послушай, раз ты не занята, давай я заеду за тобой сегодня вечером? Отец пригласил нас обоих в ресторан.

Перспектива увидеться с Николаем Одинцовым дает неожиданные результаты – глядя на грудку сваленной за два часа одежды, я вдруг мгновенно понимаю, что надену сегодня вечером.

– Ммм... А во сколько? Мне тут еще нужно кое-что сделать по учебе.

Если все сложится удачно, то я успею всюду, а вечером расскажу Адаму про поездку. И желательно раньше, чем это сделает его отец.

– Я заеду за тобой в шесть тридцать, идет?

– Не нужно! Я приеду сама! – быстро отвечаю я. – Диктуй адрес.

Ресторан, который назвал Адам, находится рядом с читательским залом, в котором встречаются зоологи. Одна станция на метро, так что я даже не опоздаю после собрания, которое назначено на четыре часа дня.

– Люблю тебя.

– И я тебя.

Положив трубку, натягиваю узкие темно-синие джинсы и любимый свитер с широким горлом и крупной вязкой из белой шерстяной нити. Под него надеваю бюстгальтер цвета ярко-розовой фуксии, чтобы широкая лямка выделялась на плече. Этот свитер именно так и носят, оставляя одно плечо голым, а благодаря шерстяной нити в нем все равно очень тепло.

Волосы собираю в высокий пучок, освобождая несколько прядей у висков. В сумку кидаю паспорт, толстый блокнот для пометок и очки для чтения в толстой черной оправе на всякий случай. Напоследок провожу помадой по губам и немного подкрашиваю ресницы.

Натягиваю сапоги, когда с чашкой чая в руках появляется Кристина.

– Не верю, что ты до сих пор не рассказала собственному парню о поездке. Может, у вас не так все серьезно, как ты думала?

– Ты не верила и в то, что я по-прежнему буду жить с тобой в общежитии, встречаясь с самым Адамом Одинцовым, – уйду от неудобного вопроса. – У нас все отлично, пока!

Хотя я не опаздываю, к метро все равно иду очень быстро, а после даже бегу по эскалатору вниз. В вагон я практически залетаю, а сердце, кажется, вот-вот выпрыгнет из груди.

Наверное, я просто нервничаю из-за поездки. Это невероятный шанс для такого молодого специалиста, как я, и я рада, что Николай Одинцов не стал впутывать личные разногласия. Я была о нем худшего мнения и заранее распрощалась с таким завидным шансом.

Выхожу на красной ветке и снова бегу к своей станции, как будто счет идет на минуты. Ощущение, что я опаздываю на самое важное свидание в своей жизни, только усиливается.

В читальном зале, куда я добираюсь в считанные минуты, уже не протолкнуться. Поначалу мне хочется улыбаться каждому встречному, но потом меня отпускает. Хватает несколько минут, чтобы убедиться – Одинцова-старшего здесь нет.

Можно выдохнуть. Никто не будет шантажировать меня нижним бельем, прожигать сапфировыми лазерами и подозревать в самом худшем. И замечательно, что Николай Одинцов не поедет вместе с нами в Африку.

Отец Адама просто богатый меценат, и только. Свое дело он сделал, одобрил мою кандидатуру, и он вовсе не обязан присутствовать на организационном сборе, на котором участники обсуждают многочисленные технические нюансы поездки, вроде визового режима и часов работы прививочного центра.

Только здесь, среди будущих участников, понимаю, что поездка в Африку – самое настоящее и очень серьезное приключение в моей жизни.

Достаю блокнот и очки, но вместо того, чтобы сосредоточиться на деле, зачем-то пытаюсь представить отца Адама среди красной пыльной саванны. Как бы он выглядел, если бы все-таки поехал с нами.

Воображение работает со скрипом. Я даже не могу представить его в повседневной одежде, ведь оба раза я видела его в костюмах. И от картины «Одинцов в подогнанном по фигуре и сшитом на заказ костюме с сапфировыми запонками ходит по селению полуголых пигмеев» чуть не прыскаю вслух во время важной речи.

Ну да, такой, как он, даже на Царя Зверей глядел бы с превосходством. А учитывая шкуру убитого им белого медведя на полу гостиной, за львов можно только порадоваться, что Одинцов остается в Москве.

Да, такой, как он, скорее заплатит кучу денег за возможность кого-нибудь убить, а не сохранить жизнь.

Нет, совершенно невозможно представить его вдали от цивилизации. И хорошо, что там его не будет. Смогу окончательно выкинуть его из головы и избавиться от морока, который на меня наводит его сапфировый взгляд.

Ну а расстояние и нам с Адамом пойдем только на пользу. Уверена в этом.

Отдаю паспорт организаторам, заполняя нужную для визы анкету. Записываю адрес поликлиники и список необходимых прививок, а также список лекарств от малярии. С собой также нужно взять таблетки, которые некоторые из нас могут принимать в обычной жизни от хронических или других болезней.

Я принимаю противозачаточные и решаю не прерывать приема на время поездки, хотя секса мне и не видать в эти сорок дней. Но я не хочу корчиться от боли во время критических дней, так что просто продолжу пить так же, как и сейчас.

Собрание окончено, и многие спешат по домам, чтобы провести с родными последние до поездки дни. Опытные зоологи уходят первыми, а меня и других новеньких напоследок просят записать имя, фамилию и контактные данные в общем списке участников. Мы уже написали с десяток документов, но этого все равно мало.

Когда подходит моя очередь, пробегаю взглядом по столбику безликих ФИО.

И мое дыхание моментально сбивается, а волоски на коже встают дыбом. Руки дрожат, и мой красивый почерк отличницы впервые похож на невразумительные попытки вывести собственное имя в первом классе.

– Простите, а это кто? – тихо спрашиваю женщину, которая, сидя за столом, пересчитывает паспорт.

Из-за меня она сбивается со счета, так что останавливает на мне крайне недовольный и уставший взгляд.

– Кто?

– Вот это, под первым номером.

Ногтем подчеркиваю «Одинцов Н. Е.», и даже от прикосновения к этому имени по телу словно проносится высоковольтный разряд, а кровь в теле горит так, как будто мне вкололи несколько ампул магнезии подряд.

Женщина закатывает глаза, потому что я отвлекла ее из-за такой ерунды. Равняя стопку паспортов, она бросает перед тем, как снова приступить к подсчету:

– Николай Евгеньевич возглавляет экспедицию... Два, четыре, шесть... – Кивает в сторону входной двери и говорит: – Вот, кстати, и он... Десять, двенадцать...

Выражение моего лица сейчас очень напоминает Щелкунчика – нижняя челюсть просто отвисает, когда я оборачиваюсь. В дверях действительно стоит отец Адама. И он пришел не один. За ним, укутавшись в песцовую шубу, семенит на каблуках Алена.

– Привет, Саша, – улыбается она ярко-красными губами.

– Все в порядке, Николай Евгеньевич, – отзывается женщина с паспортами. – Мы и сами справились, не в первый же раз едем. Не стоило волноваться.

Одинцов действительно тепло улыбается ей, но все меняется, когда он смотрит на меня. Сапфир снова сковывает толща непробиваемого льда. И очевидно, особенно сильно ему не нравится мое голое плечо, в которое он моментально впивается колючим, как репейник, взглядом.

А я рядом с ним снова задерживаю дыхание.

– Добрый вечер, Александра, – сухо кивает он, но в то же время нормальным человеческим голосом обращается к женщине-организатору: – Не мог не прийти, Зина. Привел к вам еще одного члена экспедиции.

Оскал Зины в этот момент тоже очень похож на разинутый рот Щелкунчика. Она, впрочем, быстро берет себя в руки, но улыбка все равно выходит кривая.

– Правда? – удивленно тянет Зина, переводя взгляд на яркий маникюр Алены.

Алена уже стащила с себя черные перчатки и зачем-то машет нам с Зиной правой рукой, хотя стоит в каком-то шаге от нас. Свет ламп вдруг преломляется на кольце на ее безымянном пальце.

Раньше этого кольца не было.

Желудок скручивается тугим узлом. Ароматы бергамота с лимоном теперь вызывают только тошноту и отвращение, когда я с шумом втягиваю в себя воздух.

Он сделал ей предложение.

Николай играет желваками, а его брови сведены к переносице. На счастливого жениха он сейчас похож даже меньше, чем на руководителя экспедиции.

– Не ожидала, что поездка в Уганду станет моим медовым месяцем, но что поделать? Такой уж он у меня, – звонко смеется Алена, повисая у него на руке.

И тогда же натывается на грозу в сапфировых глазах Одинцова. Сначала с ее лица сползает улыбка, затем, немного помедлив, она и сама отпускает его локоть.

– Ну, где я должна подписаться?

Зина выдает Алене такую же стопку документов и брошюр, какие уже есть у меня, и принимается объяснять о прививках и медикаментах, одновременно с этим указывая, где она должна поставить подпись.

Смотреть на это больше нет сил, поэтому разворачиваюсь, чтобы уйти, но в спину летит холодное:

– Александра, останьтесь. Я подвезу.

Чертов ресторан!

Ну да, у Одинцовых сегодня весомый повод для семейных посиделок.

Индивидуальный инструктаж Алены продолжается, хотя она несколько раз пытается прервать Зину игривым тоном, что Николай и сам ей все разъяснит, но натывается на строгий взгляд организатора, который не оставляет вариантов.

– У Николая Евгеньевича хватает своих забот, – отрезает Зина и продолжает пытаться Алёну о наличии у нее нужных прививок.

Николай Евгеньевич – черта с два я буду обращаться к нему просто Николай – тем временем зачем-то медленно и неумолимо идет к моему ряду, где я почти запихнула блокнот, очки и ручку обратно в рюкзак. Бесшумной поступью он напоминает мне хищника, и я, как перепуганная импала, отчаянно хочу сорваться с места и просто умчаться куда глаза глядят.

– Вас спина не беспокоит, Александр?

От неожиданности совершаю непоправимую ошибку – резко разворачиваюсь и напарываюсь на внимательный сапфировый взгляд.

Ох, не хотела же смотреть ему в глаза!

Дыхание тут же учащается, как при лихорадке. Бюстгальтер вдруг кажется тесным, а на голом плече, которое привлекло его внимание, торжественно маршируют мурашки.

– Простите?

– У вас какие-то проблемы с осанкой?

– Нет. С чего вы взяли?

– Уверены? Заметил, что на вас совершенно не держится одежда. Если у вас какие-то проблемы со спиной, рекомендую озадачиться лечением перед тем, как мы улетим. Жить мы будем в походных условиях и, если у вас начнутся проблемы со спиной...

– Моя спина вас не побеспокоит, – скрежещу я зубами. – Обещаю.

Он хотел сказать что-то еще, я видела, как он колебался, но к нам уже подошла Алёна, которую наконец-то отпустила Зина.

– Ну Николай! – выдохнула Алёна, забираясь на переднее сиденье машины, но он так посмотрел на нее, что продолжать она не стала. Повернулась ко мне и сказала: – Кто бы мог подумать, что вместе поедем, да?

И говорила она сейчас явно не про ресторан. Я кивнула, но продолжать беседу не стала.

Одинцов

Счастье сына дороже, поэтому я наступаю на собственное горло и обещаю Алёне то, на что в здравом уме никогда бы не согласился. К тому же орала она не своим голосом, когда узнала про Уганду.

А мне нужно было уговорить ее, во что бы то ни стало.

«Выходи за меня» – сработало.

Так что перед тем, как поехать на сбор, пришлось сначала проторчать в ювелирном. Алёна сама придирчиво выбрала себе кольцо, в котором размер бриллианта больше всего подходил размерам ее самоотверженности.

Алёне не нужна Африка, но Алёне нужен я. Ради этого она пока что согласна и на прививки, и на полевые условия.

А мне нужна в этой экспедиции женщина. Если даже в Москве мне некогда возиться с новой любовницей, я тем более не найду себе такую ни в Уганде, ни в Руанде, где население к тому же поголовно болеет ВИЧ-инфекциями и не только. Я не сплю с проститутками, но даже если бы и захотел, то они не стоят посреди саванны, ожидая новых клиентов. Мы будем передвигаться между заповедниками, и получалось, что единственной женщиной, при виде которой я могу концом гвозди забивать, это Александра.

Чтобы сбавлять напряжение, мне и нужна Алена. А что будет после? В Москве? Посмотрим. Жениться я не собирался, но у меня не осталось выбора.

Я лишний раз убедился в этом, когда увидел лиловую лямку от лифчика на голом плече. На Саше был чертов свитер, которому явно забыли довязать горловину.

Узкие джинсы обтягивали задницу, как вторая кожа. Ей лучше не нагибаться в них, но она будто бы специально дважды нагнулась так, что у меня аж в висках заломило, настолько сильно я стиснул челюсти. В первый раз это случилось, когда мы только вошли, она как раз заполняла журнал, зависнув над Зининым столом. А после низко склонилась над рюкзаком, собирая свои вещи, повернувшись ко мне спиной.

Оба раза я смотрел только на темно-синие карманы на ее ягодицах и видел при этом без одежды, как на той фотке, которую удалил несколько дней назад. И прекрасно помнил розовые окружности, которые выглядывали из-под блестящего короткого платья, когда я вжал ее в мраморную столешницу.

Ее немного рассеянный вид и прикушенная жемчужными зубами нижняя губа тяжелой пульсацией отдавались в моем паху. В растрепанный пучок так и хотелось запустить пальцы, чтобы оттянуть голову назад и завладеть ее губами. А после в острое голое плечо обязательно кровожадно впиться зубами.

Могу поспорить, именно так она и выглядит в постели после оргазма, когда бледная фарфоровая кожа вспыхивает румянцем, а темные глаза затуманены наслаждением.

В одной постели с моим сыном.

В который раз я напоминаю себе об этом? И сколько еще буду?

Я не в первый раз беру с собой в экспедицию студенток, некоторые даже спали со мной в двухместной палатке, но ни на одну из них я никогда не реагировал настолько остро.

Рядом с ней я ощущаю такую острую потребность завладеть и присвоить себе, как будто несколько лет совсем не знал женщин.

Лучшая студентка и перспективный молодой специалист – мне бы радоваться, что на этот раз в экспедицию попал действительно достойный кандидат, у которой, кроме красивой задницы, еще и мозги на месте, но радоваться не получается.

Мозги и красивая задница, два в одном, оказываются для меня афродизиак похлеще любой виагры. И сама мысль о том, что она тоже, как и я, может говорить о львах часами, заводит с пол-оборота.

В ресторане, в котором мы появляемся втроем, Адам встречает Сашу с удивлением. Он не ждал, что мы привезем ее с собой.

Впрочем, Алена мигом перетягивает внимание на себя, не давая Адаму и парой слов перекинуться со своей девушкой. Она щебечет о счастье и о том, что будет моему сыну достойной мачехой. Слава богу, мозгов хватило не говорить, что она собирается заменять ему мать.

Черт подери, как я собираюсь жить с ней все сорок дней, если до этого мы только трахались и никогда не разговаривали?

Сын только пожимает плечами и отделяется скупыми поздравлениями, когда видит кольцо на ее пальце. Я в нем не сомневался, сын мало интересуется жизнью других людей. Хотя и неприятно царапает сердце тот факт, что в глазах Александры было и то больше шока, чем в синих глазах Адама.

Девочки ненадолго уходят пудрить носики, и противный внутренний голос с издевкой спрашивает, не хочу ли я снова нагнуть над раковиной собственную невестку? Я-то, может, и хочу, но делать этого не буду. Мне опасно даже случайно прикасаться к ней, не говоря уже о большем.

Адам непривычно задумчив, и когда мы остаемся с ним одни, я вдруг слышу:

– Как ты понял, что она та самая, отец?

Сердце в груди сбивается с ритма.

Я воспитал хорошего сына, если он до сих пор думает, что люди женятся только по любви. Это первый откровенный мужской разговор, и кажется, сейчас тот самый момент, когда я должен поделиться с ним прожитой мудростью и наставить на путь истинный, чтобы потом он вспоминал эти слова и передавал их своим детям.

Но, черт, ему совсем не нужно знать правду о том, чей образ я которую ночь пытаюсь изгнать из головы, пока трахаю собственную так называемую невесту.

– По-настоящему... Я любил только твою мать, Адам.

Это правда. Я не люблю Алену и никогда не полюблю. Она удобна, как домашние тапочки. Любят ли при этом тапочки так, что в груди щемит? Сомневаюсь.

Единственной женщиной, которую я любил без памяти, действительно была Карина, мать Адама. И хотя это было давно, похоже, она все-таки забрала мое сердце с собой на тот свет. Потому что с тех пор, как она умерла, ни с одной женщиной я больше ни разу не испытывал нечто хоть отдаленно похожее.

– А зачем ты тогда женишься, пап?

Хороший вопрос, Адам. Прямо в точку.

А женюсь я, чтобы не потерять тебя, Адам.

Плывать даже на деньги, мои адвокаты позаботятся об этом за меня. Но ни один из них не составит такой договор, в котором можно было бы обозначить, что в случае, если я все-таки трахну Александру, я не потеряю навсегда своего единственного сына. В моем возрасте другого у меня уже не будет, не от Алены точно.

Поэтому и приходится как-то выкручиваться. А ты сидишь и не знаешь, как сильно ты мне нужен и что я никогда не смогу рассказать тебе всю правду.

– У мужчин есть потребности, ты и сам, наверное, это знаешь, – пожимаю я плечами, а Адам как-то по-детски хмыкает. – А я не в том возрасте, чтобы гоняться за юбками. Поэтому и женюсь. А у вас с Сашей как? Все серьезно?

Я очень надеюсь, что мои жертвы окажутся не напрасными. Хотя и не представляю, по какой причине можно отказаться от умной, красивой, молодой девушки, как Саша. У Адама ведь есть глаза и собственный член. Он даже выбрал ее первым.

И даже если однажды они все равно расстанутся, я все равно ее никогда не коснусь.

Что касается Алены, то ей еще нужно пережить Африку. Хотя ради свадьбы, может, ее ни малярия, ни желтая лихорадка не испугает. Посмотрим.

Из-за вопроса о Саше Адам мигом оживает:

– Ты впервые спрашиваешь меня о таком. Она тебе правда понравилась, пап?

О да.

И тебе лучше не знать, насколько твердым я становлюсь из-за того, как сильно мне нравится твоя девушка.

Какой мучительный диалог. Мне снова что-то нужно ответить.

– Ну... Похоже, что твоя Саша хорошая девушка. И будет отличным специалистом, – чуть не добавляю «когда вырастет», но вовремя затыкаюсь.

Адам никак не реагирует на это, только рассеянно водит пальцем по кромке бокала.

Ну да, глупо было рассчитывать, что он вострепнется, когда я упомяну будущую профессию Саши. Он вот только батареями заинтересовался, не гони лошадей, Одинцов. Может, еще доживешь до того времени, когда он и львами заинтересуется.

Но о чем же они с Сашей вообще разговаривают? Что у такого мажора, как мой сын, и отличницы-бюджетницы может быть общего?

– Я вот думаю, может, мне тоже жениться? – вдруг произносит Адам.

Моя рука, которой я тянусь к стакану, замирает в воздухе.

– На ком?

Адам смеется.

– Так на Саше, отец! На ком еще? Она действительно замечательная, и мы с ней уже почти целый год. Так долго я ни с кем не встречался еще. Мне хорошо с ней, у нас все хорошо в постели, а у тебя теперь будет Алена... Так почему бы мне тоже не завести семью?

Даже когда я бродил по Калахари, меня и то мучила жажда меньше, чем сейчас. На долбанный краткий миг представляю Сашу в роли своей невестки, которая будет рожать мне внуков.

Вашу мать. Я ведь не настолько старый!

Залпом выпиваю стакан томатного сока, который принес официант, и выталкиваю из себя слова, которые царапают глотку:

– Ты ее настолько сильно любишь?

– Она красивая, и я ее постоянно хочу, это считается? – Адам снова смеется.

Нет, не считается.

Нет, правда, что их держит вместе? Что это, если не деньги? Секс? Мой сын настолько хорош? Или это она делает умопомрачительные минеты?

Остановись прямо сейчас, Одинцов.

И снова время для отеческих наставлений. Как долго я ждал разговоры по душам с сыном, и как сильно я теперь желаю оказаться в обществе молчаливых животных!

Откашлявшись, говорю:

– Секс – это еще не любовь, Адам. А для того, чтобы заводить собственную семью, ты еще слишком молод, как мне кажется...

– Но вам с мамой было и того меньше, когда вы поженились! – артачится он.

И он прав. Отговаривать от раннего брака, который лично я считаю самым лучшим событием собственной жизни, должен кто-то другой, но никак не я.

Но я тоже умею быть упрямым:

– Мы с твоей мамой – это другое. Если бы ты любил свою Сашу так, как я любил твою маму, ты бы не сомневался ни минуты. Вы живете вместе?

– Нет. На выходных она ночует у меня, а так она по-прежнему живет в общежитии университета. Говорит, так ей проще. Как же мне проверить собственные чувства, пап? Как убедиться, что она та самая?

Карина была «та самая», а что толку, если я так и не научился жить без нее? Лучше иметь заменяемую Алену, Веронику, Машу рядом с собой, чем однажды потерять единственную.

Но вслух я об этом не говорю.

– Ну... Я мог бы сократить твое финансирование, Адам, но, похоже, девушку не интересуют твои деньги, раз она до сих пор живет в общежитии чаще, чем в твоей квартире. Вот скажи мне, вы хоть раз выбирались с Сашей куда-нибудь за пределы Садового кольца? А ведь путешествия и смена обстановки – отличный вариант проверить чувства, уж поверь мне. Хочешь убедиться в этом? Поехали с нами в Африку, Адам. Я проверю свои отношения на прочность, а ты проверишь свои. К тому же Саша наверняка будет рада, если ты поедешь вместе с нами, она ведь выиграла грант на днях.

Это самая долгая речь, которую я когда-либо говорил сыну, и, судя по его вытянувшемуся лицу, он и сам не ожидал от меня такого красноречия.

Или дело не в этом?

Адам моргает, а после переводит ошалевший взгляд на свою девушку, которая только подошла к столу и сейчас почему-то похожа на призрака. Лицо такое же бледное, как и ее платиновые волосы.

Александра в нерешительности замерла возле стола с таким видом, словно ей предложить ступить на эшафот, а не приступить к салату, который официант как раз ставит на стол.

И тут до меня доходит, что же я натворил.

А Адам делает глубокий вдох... И вдруг начинает орать не своим голосом:

– Так ты едешь в Африку?! И почему я узнаю об этом от собственного отца? А мне ты вообще собиралась рассказать, что тебя не будет здесь почти два месяца?!

Твою мать.

Саша

Оказывается, прилюдная демонстрация чувств означает не только флирт на людях и легкий ненавязчивый петтинг, к которому Адам всегда питал некоторую слабость.

Теперь я знаю, что выяснять отношения Адам тоже предпочитает исключительно на публике.

Да, Адам имеет полное право возмущаться, но я бы предпочла выяснить возникшее недоумение спокойно, а еще лучше – дома. Я бы, может, даже высказала ему за то, что он так и не вспомнил о моей презентации сам, а о поездке случайно или специально рассказал его отец.

Но я не никогда не стану делать этого в ресторане. И не стану на глазах у его отца спокойно выслушивать всю ту грязь, что он внезапно вываливает на меня.

За год отношений у нас, конечно, были конфликты, мелкие ссоры, недоразумения. Но из уст Адама теперь все эти мелочи превратились в какой-то снежный ком, который обрушивается на меня лавиной и погребает под собой.

Как только на меня прилюдно повышают голос, я моментально теряюсь.

Дает знать о себе мое детство.

Мать могла закатить скандал где угодно, и плевать ей было на зрителей. Даже если она была сама виновата, например, когда забыла забрать меня из сада вовремя. Вместо благодарности воспитательница, которая привела меня домой, услышала от моей матери только претензии, что в разгар зимы ребенок пришел домой раздетый.

А я всего лишь была без шарфа, который сама мама и забыла повязать мне на шею утром. Он так и висел на крючке в прихожей, когда я вошла домой с горящими от стыда щеками.

Вот только мне больше не пять, и уже два года после совершеннолетия я живу одна в чужом городе. Кое-чему я все-таки научилась.

Хватаю рюкзак со спинки стула, пальто с крючка вешалки и выбегаю вон. Стоять и выслушивать, как Адам смешивает меня с грязью, я не буду. Это не моя семья, мне плевать на их мнение обо мне, и не мой отец сегодня обручился.

Мне там все равно делать нечего.

Натягиваю на себя пальто, не останавливая свой бег по улице, и набрасываю лямки рюкзака на свои «кривые» плечи, как считает Одинцов. Плевать, что он едет с нами! С ним будет его Алена, а если Адам перестанет быть моим парнем после этого вечера, тем лучше! Тогда и с его отцом у меня не будет никаких отношений!

– Саша!

Крик настигает меня возле турникетов метро, но вместо того, чтобы остановиться, я мстительно вжимаю карту в считыватель и прохожу дальше.

Гул голосов, грохот эскалаторов и даже выступление одинокого певца с гитарой в туннелях метро сильно искажают голос. Я оборачиваюсь, решив, что это Адам все-таки погнался за мной. Видимо, не договорил?

Но первым меня настигает аромат бергамота с лимоном, и я задерживаю дыхание, понимая, что ошиблась, а потом вижу его.

Перед турникетом, как шлагбаумом, за который ему нет хода, в темном пальто нараспашку стоит Николай. Ярко выделяется острый ворот белоснежной рубашки. Несколько верхних расстегнутых пуговиц открывают вид на кадык и впадинку у основания загорелой шеи. И я невольно сглатываю.

– Саша, – хрипло произносит Одинцов. – Остановись, пожалуйста.

– Что вам надо?

Люди в час-пик ломятся в метро, как от толпы зомби в разгар постапокалипсиса, и стоит Одинцову перегородить дорогу, на него тут же обрушивается шквал недовольных выкриков.

Но ему плевать. Он не уходит от турникета. Так и стоит, широко расставив ноги и распрямив плечи. И с места его, кажется, даже ядерный взрыв не сдвинет.

– Пожалуйста, – повторяет он, не сводя с меня взгляда. – Я хочу поговорить. Приложи свою карту.

Ну да, у такого, как он, ведь нет «карты-тройки».

– Сначала верните мне то, что вам не принадлежит.

Он играет желваками и снова ныряет рукой в карман пиджака. Щеки моментально вспыхивают от собственной запредельной смелости и такого обескураживающего факта, что Одинцов все-таки чертов фетишист.

Он кивает, соглашаясь передать мне трусики, оказавшиеся у него в заложниках. А я не хочу всю экспедицию думать, что он может в любой момент выбить меня из колеи, если в его кармане снова мелькнет черное кружево.

Как замороженная, тону в его ярко-синих глазах, а потом протягиваю карту, и он прикладывает ее к датчику.

Турникет распаивается, Одинцов медленно и степенно, как ледокол, проходит первым, и поток вечно спешащих снова возобновляется.

Люди бегут по свободной левой стороне, а я ступаю на правую сторону эскалатора, прижимаясь к поручню. Николаю ничего не остается, как последовать за мной.

Интересно, когда он в последний раз был в метро? И почему именно он устремился за мной, а не мой собственный парень? Разве Одинцову не нужно отмечать помолвку?

Ох, какой же он все-таки большой...

Особенно когда стоит на две ступени выше, а я вынуждена смотреть на него вот так, снизу вверх, пока мы медленно погружаемся под землю. Поза до ужасного двусмысленна, а разница в росте у нас сейчас примерно такая же, как если бы я встала перед ним на колени.

Судя по тому, как он впивается в поручень до побелевших костяшек и возводит глаза к потолку, думает он о том же. Я не понимаю, почему я с такой уверенностью чувствую, о чем думает другой человек, но некоторые его эмоции и мысли я читаю как раскрытую книгу.

Протягиваю руку ладонью кверху и твердо произношу:

– Вы обещали.

Колючие острые сапфиры впиваются в мое лицо.

Спускаются к моим губам.

И я снова задерживаю дыхание. Головокружение из-за нехватки кислорода рядом с этим мужчиной становится нормой.

Скоро придется носить кислородные баллоны, как у водолазов, чтобы дышать смесью, которая не будет содержать бергамота и лимона. Ведь именно от них мои коленки превращаются в желе.

Он стоит слишком близко. А еще слишком большой, так что нельзя не думать о том, каково это, когда он такой тяжелый и большой нависает над тобой при других обстоятельствах, а не на забитом эскалаторе.

Неуловимое движение – и вот передача трусиков состоялась. Прячу комок черного шелка в ладони, перекидываю рюкзак на одно плечо...

И очередной вихрь проносится с левой стороны эскалатора, задевая меня. А я зазевалась, и от падения спасла только железная хватка Одинцова.

Спасая от падения, он схватил меня за плечо. Грудью вжимая в свой живот, а бедрами в твердое каменное...

Я тихо ойкнула.

А Одинцов тут же отстранился и проворчал:

– Как вы собираетесь выживать в Африке, если даже с московским метро не справляетесь?

С таким же успехом можно обниматься с раскаленной печкой.

Каждая часть тела, которой я прикасалась к нему, горела теперь, как от ожогов.

Широкими шагами Одинцов обогнул меня и сошел со ступеней эскалатора первым, впрочем, по-прежнему ведя меня за собой, как полицейский беспризорника, к которому вроде и противно прикасаться, но надо. А вдруг с ним что-то еще случится.

Я дернула плечом, стряхивая его руку.

Отступила на приличное расстояние и почувствовала облегчение. Терпкий мужской аромат стал нестерпимо близок, и с каждым моим частым вдохом только глубже проникал в тело, отчего я вся вибрировала, как рельсы перед прибытием поезда. Сделал глубокий вдох, наполняя легкие сухим горячим воздухом обычной московской станции.

– Что вам надо от меня? Объясните уже.

– Откажитесь от этой поездки.

Он снова перешел на «вы». Плохой знак.

– Нет. Могли просто скинуть меня с эскалатора. Ни в какую Африку я бы точно не поехала после такого падения.

Одинцов поиграл желваками.

– А вы как думали? – продолжила я. – Вот с какой стати я должна отказаться от самого лучшего предложения в своей жизни? Объясните.

– Александра, – терпеливо проговорил Николай. – Сейчас мы только доставим семь выбранных львов в Руанду и проследим за первым этапом их акклиматизации. Пятеро придут из Южной Африки, еще двоих мы должны сопровождать из Уганды до заповедника. Эта поездка не единственная, вы же понимаете. Вы ведь тоже биолог. Через полгода будет следующая. Зоологи всего мира надеются годами наблюдать за тем, как львы, не связанные кровными связями, примутся создавать новый прайд на территориях, где почти двадцать лет не было ни одного льва. Это долгая кропотливая работа, и могу внести ваше имя во вторую экспедицию. Ведь у вас...

Я вскинула голову и сложила руки на груди.

– У меня в запасе куда больше времени, чем у вас, так ведь? – прервала его я. – И я могу поехать туда и через десять, и через двадцать лет! А вы же у нас прямо без пяти минут пенсионер, Николай Евгеньевич!

– Не забываетесь, Александра!

Когда это он оказался так близко? Вроде стоял на шаг дальше? А теперь снова нависает надо мной властной мрачной тучей, которой моментально хочется подчиниться. Особенно когда загорелая обнаженная шея так и притягивает взгляд.

Я попятилась к колонне, он – следом. На лице маска, желваки играют под бронзовой кожей, в сапфировых глазах – шторм.

– Или вы ради Адама меня отговариваете?

Вот уж кто точно был против моей поездки и наговорил мне с три короба о том, что так с парнями не поступают и так далее.

Я знала, отчасти он прав. Если бы я относилась к нашим отношениям серьезно, то рассказала бы первым, а не последним.

Мраморная колонна, в которую я вжалась, обожгла спину холодом. Даже загнав меня в тупик, Одинцов и не думал останавливаться. Он сократил дистанцию до минимума, и мне пришлось запрокинуть голову, чтобы продолжать смело глядеть в его глаза, чтобы не думать, что я боюсь!

Даже если я не знаю, кого боюсь рядом с ним больше – себя или его.

– Нет, – процедил он сквозь стиснутые зубы. – С моим сыном разбирайтесь сами.

– Считайте, что разобралась, – кивнула я. – После сегодняшней сцены в ресторане видеть его больше не хочу! И очень рада, что все-таки должна уехать из Москвы! А еще сильнее рада тому, что у меня теперь есть шанс увидеть возвращение львов в Руанду собственными глазами! Я никогда от него не откажусь по доброй воле. Нет ничего необычного в том, чтобы наблюдать за львами на сафари в каком-нибудь заповеднике, где они живут годами в сформированном прайде! И вы это тоже знаете! Поэтому я совсем не понимаю, почему я не могу поехать? Почему вы так сильно не хотите меня...

Одинцов на миг прикрыл глаза, а я прошептала, вспыхнув до корней волос:

– ...видеть!

– Хочу.

Он произнес это так тихо, а с соседней ветки как раз сорвался и умчался состав, обдавая мое и без того пылающее лицо горячим воздухом, что я решила, что слова Одинцова мне просто померещились.

Но он сократил расстояние между нами, вжимаясь в мое бедро неоспоримым доказательством собственного желания.

Мое дыхание сбилось. С головой накрыла потребность гарантировано убедиться, что горячее твердое желание вдоль его бедра именно то, чем кажется. Коснуться, провести по всей длине, изучая подушечками пальцев очертания. Увидеть, как лед в его глазах уступает место шторму.

Зрачки Одинцова расширились, когда я вжалась с тихим стоном в него всем телом.

Потемневший взгляд снова остановился на моем приоткрытом рте. Я дышала часто и поверхностно, всеми силами сопротивляясь магии сапфирового шторма. Твердой линии напряженного подбородка. Тому, что творила на станции метро, хотя со стороны все происходящее выглядело довольно невинно – просто тесные объятия.

Я вздрогнула, когда он внезапно коснулся моих волос и вытащил из прически заколку. Волосы рассыпались по плечам, но он моментально собрал в их в кулак, еще сильнее запрокидывая мою голову.

– Очень хочу, – произнес он низким голосом.

На этот раз уже громче. И теперь всеми обостренными чувствами я знала – мне не показалось.

Его хватка на моих волосах стала чувствительней, когда он нагнулся еще ниже к моему лицу. Я прикрыла глаза, уверенная, что сейчас он меня поцелует.

Но вместо этого услышала:

– Очень проникновенная речь о твоей любви к работе. Как твой начальник, я очень впечатлен. Чувствуешь, как сильно? Так что черт с тобой, можешь ехать, раз тебя так сильно волнуют львы. Но с одним условием, Саша. Никогда не оставайся наедине со мной, не нагибайся и, черт возьми, сделай так, чтобы на тебе всегда было достаточно одежды. Я не тот, кого ты

можешь дразнить без всяких последствий. А если нарушишь условия, то вылетишь из экспедиции, как пробка. Ясно? – Он еще крепче сжал волосы, запрокидывая мою голову еще сильнее.

– Это три, – выдохнула я.

– Что? – моргнул Одинцов.

– Ты сказал, что я могу поехать с одним условием, а вместо этого назвал целых три!

– И не переходи со мной на «ты»!

– Уже четыре!

– Ты невыносима!

– А ты не умеешь считать! – выкрикнула я.

И в тот же миг он поцеловал меня.

Одинцов

Ее волосы слегка волнистые, блестящие, а еще скользят между пальцем, как самый настоящий шелк. С наслаждением наматываю их на кулак, может быть, чересчур сильно, но сейчас она довела меня. И я намерен сделать так, чтобы она наконец-то заткнулась.

Несносная девчонка запрокидывает голову. Продолжает дразнить приоткрытыми розовыми губами. Выглядит она довольной, все-таки добилась того, чтобы я опять прикоснулся к ней.

Снова.

А я так старался держаться как можно дальше от нее. И не хотел касаться снова, но ничего не вышло. Стоило ей убежать из ресторана, и я сорвался. Устремился совсем не за сыном, который ушел в другую сторону. Мириться со своей девушкой Адам явно не собирался.

Бросив Алене, чтобы ждала меня в ресторане, я кинулся на выход. Пусть думает, что я за сыном. Но совсем не с ним меня как будто соединяет невидимый канат, который тянет меня, как упрямого осла следом. За ней. Куда она – туда я.

И вот я здесь, в метро, куда не спускался уже лет пять, как чертов бедный студент, выслушиваю от нее какой-то бред про возраст и пенсионеров. Надеюсь, что еще смогу уговорить от поездки, но стоило ей заговорить о львах, и это уничтожило мою решимость.

Одной из немногих женщин моей жизни, с которой я до хрипоты обсуждал поведение больших кошек, была Зина. Но с ней я никогда не хотел сделать и десятой доли того, что хочу рядом с белобрысой Александрой. Почему так?

Только поцелуем я могу наконец-то заткнуть ей рот, потому что ее дерзость затмевает разум так же, как сладкий дым самокруток, которые курят пигмеи.

Когда я веду языком по приоткрытым для меня губам, остальной мир меркнет. Перестает иметь хоть какое-то значение, и все мои чувства сосредотачиваются на женщине, которую я держу в своих руках. Сколько времени я пытался убедить себя, что в свои девятнадцать она еще ребенок? Скорее я сам бы состарился, чем убедил себя в этом.

Тщетно.

Ее поцелуй отвечает за нее, она – женщина. Желанная, отзывчивая, невыносимая, хрупкая.

От удивления она ахает прямо мне в губы. Замирает, оставляя меня гадать, неужели так и не ответит? Каменеет под моими руками, пока я языком очерчиваю ее губы. Я уже готов отступить, позорно капитулировать ни с чем, как вдруг она отвечает на поцелуй.

Чувствую, как вытягивается под моими руками и с таким неожиданным напором переплетает наши с ней языки, что сердце чуть не выпрыгивает из груди.

Ее руки ложатся мне на плечи, а ногти царапают чувствительную кожу на затылке, ероша волосы.

– Хватит...

Моргаю.

Чужой женский голос разрушает иллюзию. Возвращает меня на землю. В кровать, где передо мной распласталась совсем другая обнаженная женщина, в которую я врезаюсь бедрами.

Твою мать.

Темные, рассыпавшиеся по простыням волосы слишком непохожи на платиновый шелк с ароматом персика, прикосновение к которым до сих пор помнят мои руки.

– Я больше не могу, – стонет Алена. – Хватит! Три оргазма мне было более чем достаточно за ночь.

Отпускаю ее бедра, в которые впился пальцами до синяков. Она падает на кровать и стонет, подтягивая колени к груди.

– Каждый день по два раза! Николай, я не могу так, – ворчит она. – Почему у тебя так стоит? Это ненормально!

– Спи, – грубо обрываю ее.

Поднимаюсь с кровати, но опять слышу:

– Серьезно! Это ненормально! Чтобы в твоём возрасте у мужика так стояло! Я ходить больше не могу, а тебе хоть бы хны...

– В каком возрасте? – рявкаю громче.

Еще одна хочет записать меня в старики.

Хватаю халат и, не зажигая света, иду в душ. Мимоходом смотрю на часы и понимаю, что можно уже не ложиться. Выспаться все равно не удастся. Стыковочный рейс в Стамбул у нас в пять утра, так что выезд из дома совсем скоро.

Время для сна я, как бы сказать мягче, про... зеваю.

Сбрасываю халат и встаю под прохладный душ. Сверху вниз смотрю на причину всех моих бед. Ну какого черта тебе надо? Багровый член качается тяжелым маятником. Похоже на извинения за то, что кончить с другой женщиной для него теперь миссия невыполнимая.

Не после того, что случилось в метро три дня назад.

Упираюсь лбом в прохладный кафель, подставляя под прохладные струи напряженное тело. Закрываю глаза в надежде, что вода все-таки принесет облегчение.

Как бы не так.

Стоит закрыть глаза, я снова вижу ее.

Александра.

Черт. Нет, это ненормально.

Я запомнил каждую деталь того вечера. Ее растрепанные под моими руками волосы. Горящие темным пламенем глаза. И особенно ощущения от прикосновения с ее горячим, как ад, ртом.

Когда в последний раз я так упоительно целовался? Да хрен его знает. Что такого может быть в поцелуях, если можно приступить сразу к делу?

Не касаюсь члена. Нет, нет и нет.

Я не буду фантазировать на ее образ и ее губы.

Тяжелый маятник упрямо качается из стороны в сторону, пока я выключаю воду и, намотав на бедра полотенце, иду одеваться.

Нет, я сказал!

Я так надеялся, что незаменимых женщин нет. Но ошибся.

И теперь остался со стояком и совершенно затраханной женщиной, которую даже не замечаю в своей постели. Секс с ней безликий, безвкусный, а теперь еще и заканчивается без оргазмов для меня. В какой бы позе она ни стояла, как бы глубоко ни глотала, показатель моего удовольствия равен нулю.

Кровь кипит в жилах только, если вспомнить другую. То, как она вся под моими руками вытянулась в струнку, поднимаясь на носочки, лишь бы ответить на мой поцелуй.

Помню, как пальцы пробежались по ее ребрам. Как другой рукой зарылся в распущенные мягкие волосы. Проклятый свитер без горла на ощупь оказался таким мягким, нежным и податливым, что я больше не мог его ненавидеть.

Это я прервал тот поцелуй. Начал первым и первым же его оборвал. Дождался ее сто-процентной отзывчивой реакции, а после просто развернулся и ушел.

С того вечера в метро Александру я больше не видел. Надеялся за это время буквально вытрахать из своей памяти ее губы, но уже через пять часов мы окажемся в замкнутом пространстве кабины самолета. А следующие сорок дней она будет постоянно рядом.

Маятник между ног в ответ одобрительно качнулся.

С сыном я в оставшиеся до поездки дни тоже не виделся. Оправдывался тем, что совершенно нет свободного времени из-за подготовки. Только думал каждый разговор с Адамом: что, если они помирились и Александра рассказала ему о том, как я на нее набросился?

Но Адам никак не выказывал недовольств и не звонил с проклятиями. Только уточнял необходимые характеристики батарей и отключался.

Похоже, Адам оказался обидчивым. И не простил девушке того, что она не поделилась новостью сама. Хотя, зная Александру и то, сколько она готовилась, по словам Зелинского, я скорее поверю в то, что Адам ни во что не ставил ее собственные интересы, при этом, впрочем, не упуская случая поговорить с ней о солнечных батареях. Он убежал из ресторана, но не пошел за ней. А я пошел.

Одевшись, привычно тянусь в карман повешенного в шкафу пиджака, но там пусто. В очередной раз забыл о том, что вернул ей трусики. Непонятно только, почему перекладывание ее белья из одного пиджака в другой уже стало для меня таким незаменимым утренним ритуалом.

От безделья еще раз проверяю «от и до» снаряжение, которое везу с собой. Да и к чертям сон этой ночью. Так лучше будет.

Тогда меня срубит прямо в кресле сразу после взлета. А значит, не будет желания глазеть по сторонам, пожирая глазами тонкую шею или платиновые, собранные в пучок на затылке, локоны, которые пахнут персиками.

Я твердо решил, что в Уганде Александру поставлю в пару к Зине, и плевать, что раньше студентами занимался лично. Ночевать в палатках и отелях буду с Аленой. Так мы с ней почти не будем пересекаться. Должно сработать. Я взрослый мужчина, в конце-то концов. Почему член вообще управляет моей жизнью? А как насчет мозгов?

Когда приходит время, бужу Алену, которой нужно подняться раньше, чтобы накра-ситься и привести себя в чувство. Не стесняясь, она материт меня за ночные подвиги и плетется «рисовать лицо». Все время, что мы проводим вместе, мы почти не разговариваем. Мне кажется это нормальным. Ведь не могут люди, которые и так проводят двадцать четыре часа в сутки, постоянно трепать языком? Откуда столько тем для обсуждения? Еще и утром?

В аэропорту оставляю машину, которую после заберет Гриша, и выгружаю снаряжение. Грузу в тележки, но на подходе к аэропорту натыкаюсь на радостную толпу студентов с плакатами, которые шумно и с песнями кого-то провожают. С душой подошли к проводам, ничего не скажешь.

Холодею, когда слышу песню из «Москва слезам не верит».

– Александра, Александра... – поют они нестройным хором.

Тут же нахожу ее.

Нет ни одного гребаного шанса, что я могу пропустить ее в толпе. Только не ее.

С собранными в неизменный высокий пучок волосами, Александра улыбается долговязому парню, который лапает ее во время дружеских объятий. Прекрасно вижу, что она пыта-

ется вырваться, и едва сдерживаюсь, чтобы не гаркнуть на пацана, но на выручку Александре приходит подруга. Велит мудаку отойти в сторону и сама обнимает ее, а после замечает меня и что-то говорит Саше на ухо.

Та моментально вытягивается, напрягая спину, как солдат при виде генерала, но при этом так и не поворачивается ко мне лицом.

Ну и ладно. Меня это не задевает и задевать не должно.

Просто интересно, как много Александра рассказала подруге? Обсуждала с ней, как всегда делают это девчонки, до глубокой ночи свой первый со мной поцелуй? А может, наоборот, чистила зубы до кровотокащих десен и рассказывала подружке о том, до чего это была ужасная и противная ошибка?

Замечаю, что Адама в толпе студентов нет. И впервые допускаю мысль о том, что будет, если к тому времени, когда мы вернемся, Адам уже найдет себе другую?

С другой стороны, Александра тоже еще может встретить кого-то, кто будет лучше подходить ей по возрасту. Они оба с Адамом слишком молоды. А первые отношения чаще всего обречены на провал. Судя по количеству парней вокруг, скучать она долго не будет.

Но если они будут не вместе, как сын в таком случае отреагирует, если я когда-нибудь все-таки решусь на этот шаг? Все равно будет злиться?

А вдруг что-то может получиться?

– Надо поговорить.

Алена словно возникает из ниоткуда. С удивлением перевожу на нее взгляд. Мне бы привыкнуть, что она теперь постоянно рядом, но не получается.

А ведь я собственными же руками связал себя этим предложением, а Алена теперь так легко не сдастся. Она сделала все прививки и получила необходимые сертификаты, терпеливо прошла инструктаж о поведении в местах, где живут дикие животные. И даже продержалась эти дни, пока я спал с ней, эмоционально не включаясь в процесс.

– Сейчас у нас уже регистрация на рейс. А мне нужно еще зарегистрировать снаряжение. Сейчас мне некогда трепаться.

– Ну тогда в самолете, – пожимает она плечами. – Или в Стамбуле. Мы ведь проведем целых пять часов на стыковке между рейсами, верно? Чем-то же нужно будет заняться.

И я обязательно найду чем заняться, но разговаривать? Пять часов? С ней?

– Во время полета я буду спать, – отрезаю я.

– Да, в самолете тебе лучше поспать, – неожиданным елеинным тоном произносит она. – Выглядишь уставшим после этой бессонной ночи, дорогой, – она смахивает с меня невидимую пылинку, бросая быстрый взгляд поверх моего плеча.

Мне даже не нужно оборачиваться, чтобы понять, на какого зрителя рассчитан этот спектакль. Разъяренная фурия с платиновыми волосами тут же проносится мимо, исчезая первой в людском потоке.

Алена провожает ее глазами, а после снова смотрит на меня, улыбаясь ярко-накрашенными губами. Она даже не пытается скрыть торжество во взгляде, в котором ясно читается, что теперь никуда мне от нее не деться.

– Нам определенно есть о чем поговорить, Николай.

Одинцов

Говорить я не собираюсь. Даже если бы Алена знала, как создать вечный двигатель или обрести бессмертие, я бы не изменил своего мнения.

Все разговоры после взлета, как только оказываюсь в своем кресле, пресекаю на корню. Прошу у стюардессы стакан томатного сока, после втыкаю в уши музыку, складываю под голову

куртку, не забыв предупредить стюардессу о том, чтобы меня ни в коем случае не будили во время разноса еды. От голода за три часа полета не умру.

Алена сидит в кресле с таким видом, что есть вероятность того, что обивка ее кресла скоро самовоспламенится. Но мне плевать. Я давно научился спать в любых условиях. Для крепкого сна мне не нужны ортопедический матрас, комфортная температура в спальне или анатомическая подушка. И даже пристальный взгляд не помеха.

Александра где-то рядом, я слышу ее тихий смех, и этот звук помогает быстрее успокоиться и заснуть. Хотя думал, будет ровно наоборот.

Разбудил меня чувствительный тычок между ребер. И это явно не стюардесса постаралась.

– Выспался? – рычит благоверная. – Мы идем на посадку.

– Ага, – поднимаю кресло и сажусь ровнее. – Теперь я собираюсь поработать, плотно поесть и проспять оставшуюся дорогу от Стамбула до Уганды. Никаких бестолковых разговоров, ясно?

Одно только выражение ее лица сказало мне все, что она думала обо мне в этот момент. А ведь это только начало. Впереди сорок дней вдали от цивилизации. Как долго она продержится? И зачем я ее провоцирую, если сам же выбрал на роль громоотвода?

Самолет, дернувшись, замер, и люди стали вскакивать с мест. Понял, что даже не могу смотреть на Алену долго. Секунда, и вот я уже отвожу взгляд в сторону и ищу взглядом белобрысый, вероятно, растрепавшийся после полета пучок.

К сожалению, не могу найти его в мельтешащей перед глазами толпе.

Поэтому поднимаюсь во весь рост и моментально чувствую, как в груди теплеет. Да, вон она, здесь. За два ряда от меня.

На Александре очки в темной оправе, она кивает, прикусывая кончик карандаша, и внимательно слушает Зину. Судя по всему, три часа полета даром не прошли. Зина о многом может рассказать Саше, которая в такой экспедиции впервые, и по ее выражению лица понимаю, что она впитывает любую информацию с благодарностью и восторгом.

Саша прячет уже знакомый потрепанный ежедневник, ручку и очки в рюкзак, который легко набрасывает себе на плечо. Сегодня она не оставила открытой ни одну часть своего тела. Вняла моим предупреждениям? Или просто случайность?

На ней плотная водолазка цвета десертного вина, перетянутая широким черным поясом, на ногах узкие темные джинсы и полуботинки. Она собрана, серьезна, и по ней видно, что она готова учиться и еще раз учиться.

– Может, ты мне поможешь?

Перевожу взгляд на Алену, которая пыхтит над тремя сумками с логотипом дома высокой моды.

– Это твоя ручная кладь, не моя. Я сейчас должен проверить и проследить за погрузкой хрупких инструментов, и для этого у меня должны быть свободные руки. Ты знала, куда едешь, – пожимаю плечам. – Это не Бали и не Пхукет.

Никто не тащит чужие рюкзаки в экспедиции. Пусть привыкает, что весь вес, который у нее с собой, нужно нести только на себе. Там нет носильщиков, такси, а я не мальчик на побегушках, который будет с радостью возиться с ее сумочками.

Я жду взрыв. Но он не наступает.

Алена только касается кольца с бриллиантом, проворачивает его на пальце, а после молча возвращается к своему багажу.

А она крепкий орешек.

– Николай Одинцов! – слышу свое имя.

– Кстати, это за мной, – говорю Алене и выскальзываю в забитый людьми ряд.

Из самолета с помощью стюардессы выхожу первым. И пока все пассажиры садятся в автобусы, проверяю целостность груза. Работники таможенного контроля бесцеремонно перекидываются чемоданами рядом со мной, но моего груза им касаться строго запрещено.

Когда все закончено, расписываюсь в планшете о том, что снаряжение прибыло в Стамбул в целостности, и бегу в уже забитый автобус, который ждет только меня. Другой автобус уже уехал. Наверное, вместе с Аленой. Понятия не имею, в какой из них она села.

Место есть только на подножке, у дверей, которые тут же с тихим шорохом закрываются за моей спиной. Автобус трогается с места, и я хватаюсь за поручень, чтобы устоять на ногах.

И тогда же легкие наполняются ароматами персиков. Передо мной стоит именно Саша. В забитом автобусе я не могу сдвинуться от нее ни на шаг, и сейчас обтянутая темными штанами девичья задница вжимается прямо мне в пах.

– Хорошо прошел полет, Николай Евгеньевич? – Зина стоит ко мне лицом, прямо перед Сашей.

Вижу, как спина Саши миглом напрягается.

О, Зина, знала бы, насколько все ужасно.

– Да, с оборудованием все в порядке, – хрипло отвечаю я, пытаюсь отодвинуться.

Саша делает то же самое, но в забитом автобусе любые маневры обречены на провал. И получается, что она только трется ягодицами о мои бедра, не сдвигаясь ни на сантиметр. Как и я. Это слишком похоже на другой танец, который я мог бы исполнить с ней, но не здесь же.

Впиваюсь пальцами в ее бедра и цежу прямо в ухо:

– Просто. Замри. На месте.

Аромат персика, исходящий от ее волос, забивает легкие, будит не утихшее за ночь желание, которое медленно крепнет в штанах от этой опасной близости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.